

Дмитрий Видинеев

Территория

Этот город ждёт
тяжёлая ночь

Дмитрий Видинеев
**Территория. Этот город
ждёт тяжёлая ночь**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234745

ISBN 9785448319983

Аннотация

Только безумцу могло прийти в голову сломать оберег, и теперь маленький городок Тихая падь в изоляции. Ящик Пандоры открыт, по улицам бродят морбесты – чудовища, чей разум подчинен Океану. Но есть опасность страшней морбестов – скоро из «кокона» выйдет Сеятель.

Содержание

Часть первая. Морбесты	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	83
Глава 9	100
Глава 10	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**Территория
Этот город ждёт
тяжёлая ночь
Дмитрий Видинеев**

© Дмитрий Видинеев, 2016

ISBN 978-5-4483-1998-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Морбесты

Глава 1

До фермы Эльдар доехал к десяти утра, когда июньское солнце уже палило вовсю. Воздух дрожал от жары, а на капоте черной ауди можно было пожарить яичницу.

Он вышел из машины, чувствуя, как футболка липнет к вспотевшей спине. Проклятый зной. Сощурился, Эльдар недовольно посмотрел на безоблачное небо и подумал, что к полудню жара сравнится с адским пеклом. Ну, ничего, к тому времени он уже будет дома, в своей двухкомнатной квартире в центре Тихой пади, где новенький кондиционер, два вентилятора и электронный освежитель воздуха создадут островок рая в этом море летнего зноя.

В марте ему исполнилось тридцать, но выглядел он значительно моложе. «У тебя лицо мальчишки», – такие слова Эльдару доводилось слышать не раз. Ему это нравилось – лицо мальчишки, как маска, скрывающая сущность хищника, ягуара. Черные, вечно всклокоченные волосы, по всей видимости, записавшие расческу в разряд злейших врагов, темные глаза, из глубин которых будто бы смотрели безумные чертенята – все это делало его внешность довольно примечательной. По поводу глаз одна молодая особа ему сказала

так: «Когда в них смотрю, то не знаю что от тебя ожидать в следующую секунду – то ли ударишь, то ли приласкаешь?» Тогда он ее приласкал, а ударил лишь спустя неделю.

Он взял с пассажирского сиденья небольшую спортивную сумку, захлопнул дверцу ауди и направился к дому. Туфли тут же покрылись слоем пыли. Эльдар подумал, что чертовому фермеру следовало бы проложить дорожку к крыльцу. Некоторые люди просто наплевательски относятся к собственному комфорту.

Справа от дома находился свинарник, возле которого стояли синий трактор и дюжина железных бочек. За свинарником начиналось картофельное поле. А вдалеке, в дрожащем мареве, виднелись деревенские дома и водонапорная башня, похожая на причудливый гриб.

Эльдар поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открыл невысокий жилистый мужчина в выцветшей зеленой рубашке на выпуск и просторных штанах. Его кожа была коричневой от загара, в коротких каштановых волосах пробивалась седина, а в бледно-голубых глазах ощущалась усталость.

– Эльдар? – с волнением в голосе проговорил он. – Я знал, что ты приедешь. Когда Черномор не захотел со мной говорить по телефону, я понял: жди гостя.

Эльдар изобразил на лице сочувствие и печально улыбнулся:

- Мне жаль, Иван Сергеевич, но ты сам во всем виноват.
- Ну что же, заходи, – фермер открыл дверь шире, про-

пуская гостя в дом.

Внутри было не намного прохладней, чем снаружи. Пахло земляникой и выпечкой. Из кухни, вытирая руки полотенцем, вышла хозяйка – полная румяная женщина с волосами пшеничного цвета.

– О, у нас гости? – радушно улыбнулась она.

– Это ко мне, по делу, – ответил Иван Сергеевич.

Эльдар заметил, как быстро веселые искорки в глазах женщины погасли, сменились тревогой. Растерянно она спросила:

– Хотите квасу?

– Не откажусь, спасибо, – кивнул Эльдар.

Он и фермер проследовали в гостиную и уселись за стол, над которым нависал старомодный желтый абажур.

– Пусть она уйдет, – тихо сказал Эльдар.

Иван Сергеевич вздрогнул, будто на него повеяло холодом.

– Что?

– Скажи жене, чтобы вышла из дома.

– А, да-да, хорошо, – кивнул фермер.

Хозяйка принесла кружку с квасом и поставила ее на стол рядом с гостем.

– Слушай, Зин, – Иван Сергеевич коснулся локтя жены, – у нас тут разговор будет серьезный. Нам бы наедине...

Женщина посмотрела на Эльдара, потом на мужа, уже открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала. С по-

никшими плечами она покинула гостиную, взяла в коридоре ведро и вышла из дома.

Эльдар выпил полкружки кваса, вытер губы ладонью и окинул взглядом комнату. Ему показалось, что если убрать из обстановки хотя бы одну деталь – к примеру вон те огромные часы в углу, или тот шифоньер, – то нарушится какой-то баланс. Все здесь как будто было на своем месте, хоть сейчас приглашай съемочную группу и снимай фильм о деревенской жизни, причем никто не упрекнет декораторов в фальши.

Он посмотрел на хозяина дома.

– Итак, Иван Сергеевич, мне нужен твой палец, – проговорил он.

– Палец, – обреченно повторил фермер. – Черт возьми! Мне нужно поговорить с Черномором, – он с надеждой посмотрел на Эльдара. – Я объясню ему. Давай прямо сейчас поедem к нему...

– Мы никуда не поедem! – резко перебил его Эльдар. – Он не хочет с тобой говорить. Время, знаешь ли, вышло.

– Да у меня уже на следующей неделе будут деньги. К чему такие крайности? – у Ивана Сергеевича на лбу выступили крупные капли пота.

– Крайности?! – Эльдар хлопнул ладонью по столу. – Мать твою, фермер, я помню, как ты явился к Черномору и попросил в долг до пятнадцатого числа. До пятнадцатого! – он поднял палец вверх. – Он дал тебе эти десять штук без лиш-

них разговоров, причем с копеечным процентом. Вот честное слово, не понимаю таких людей как ты. Божился, что отдашь деньги в срок, и на тебе – кинул!

– Обстоятельства, – поморщился Иван Сергеевич.

– Что?! Обстоятельства?! – выкрикнул Эльдар. Он чувствовал, как в нем пробуждается ягуар. Нужно взять себя в руки. Сейчас не время и не место. Он сделал большой глоток кваса и уже спокойно сказал: – Ты ведь знал, что будет, если не отдашь деньги в срок, верно?

– Знал, – мрачно подтвердил фермер.

– Мог бы трактор продать, или еще что. О чем ты вообще думал? Надеялся, что Черномор даст отсрочку? Войдет в положение? Да не такой он человек. Черномор не терпит, когда не держат обещания. И знаешь, я с ним согласен. Нет ничего хуже, чем подорванное доверие. Это сродни предательству.

– Какой палец заберешь? – Иван Сергеевич посмотрел в глаза Эльдара и тут же отвел взгляд, будто обжегся.

– Это тебе решать.

– Тогда... тогда – мизинец, – неуверенно заявил фермер. – Да, мизинец на левой руке.

Эльдар допил квас.

– Послушай, Иван Сергеевич... не думай, что все это доставляет мне удовольствие. Я бы предпочел забрать деньги, а не твой палец.

И это была правда. Конечно фермер, судя по всему, не слишком умный человек, раз решил испытать судьбу

и не вернул вовремя долг, но он трудяга, простой и бесхитростный, а таких людей Эльдар уважал. Да и роль палача ему была не по душе. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь. «Король сказал – рыцарь выполнил!» Простая формула, отражающая всю суть работы на Черномора. Выбор, конечно, есть всегда, но последние два года Эльдар находился не в том положении, чтобы вписывать в формулу какие-то поправки.

– Делай, что должен, – устало сказал фермер. – Делай и убирайся.

Эльдар расстегнул свою сумку, вынул и положил на стол нож в чехле, шприц, бинт, бутылочку с перекисью водорода, ампулу с обезболивающим и небольшую разделочную доску. Он с иронией называл эти вещи «Набор гуманного палача». Ампула, перекись, бинт – Эльдар считал, что наказанный должник не должен быть обозлен до предела. Обозленный человек может наделать глупостей. А так фермер хоть и лишится пальца, но и почувствует толику благодарности из-за того, что с ним не обошлись как с последним ничтожеством, медицинскую помощь оказали. Психология.

– Не понимаю, – пробормотал Эльдар, – почему все выбирают мизинец? Как по мне, так средний палец самый бесполезный.

Он отколол ампулу и набрал в шприц обезболивающее.

Иван Сергеевич смотрел на его приготовления с ужасом, а потом собрался, взял себя в руки и ужас сменился суровостью.

– Ничего, – с вызовом произнес он, – палец не рука. Переживу.

– Правильно мыслишь, Иван Сергеевич. На жизнь нужно смотреть с оптимизмом, – Эльдар обошел стол и вколол обезболивающее в основание мизинца фермера. – Вот так. Отлично, – он положил шприц на стол и взял нож. – Сам себе отрежешь или я?

– Отрезай ты, я не смогу.

Иван Сергеевич положил ладонь на разделочную доску, и Эльдар ощутил, как в сознании зашевелился ягуар.

– Ты готов?

Фермер тяжело с шумом задышал сквозь стиснутые зубы.

– Нет, погоди!

– Готов?!

Иван Сергеевич зажмурился и выкрикнул:

– Давай!

Эльдар резко опустил лезвие ножа.

Через десять минут он вышел из дома, а в сумке, в пластиковом пакетике лежал отрезанный палец. Дело сделано. Он знал, что фермер будет молчать. И его жена промолчит. Страх лучший стимул немоты, для возмущенных правдоискателей. Перед уходом Эльдар сказал Ивану Сергеевичу, что придет через неделю, если тот не отдаст долг. Приедет и отрежет уже два пальца. Впрочем, он не сомневался: фермер найдет деньги.

Эльдар сел в машину и включил радио. Какая-то исполнительница в стиле рэгги весело пела о том, как она любит лето, море и жару. Эльдар поморщился и, покрутив настройку, остановился на волне, где передавали последние новости. Он уважал рэгги, да и против моря ничего не имел, но лето и жару ненавидел. А тут еще эта песня, от слов которой как будто бы стало еще жарче. Эльдар не понимал людей, которые целыми днями валяются на пляже, подвергая свои тела добровольной пытке солнцем. Ему вдруг жутко захотелось принять холодный душ и съесть пару рожков мороженого.

Он завел двигатель и поехал прочь от дома фермера, поднимая колесами облака пыли. Уже сворачивая на шоссе, Эльдар посмотрел в зеркало заднего вида и заметил фигурку женщины: жена Ивана Сергеевича стояла возле забора, прижав ладонь ко лбу. Глядела на удаляющийся автомобиль. Скоро она войдет в дом и испытает шок. Эта мысль вызвала в сознании Эльдара легкий укол совести, который он тут же постарался смягчить оправданием, что фермер сам виноват. И, в конце концов, у каждого своя работа.

«Король приказал – рыцарь выполнил!»

До города добрался за сорок минут. Проехал мимо поста ГИБДД, свернул на улицу Лесной бульвар, где вдоль дороги выстроились однообразные кирпичные пятиэтажки. Тихая падь был небольшим городом – час пешком от северной окраины до южной. Маленькое королевство Черномора, как про себя называл его Эльдар. Он проехал мимо кинотеатра

«Звездочка» и остановился возле единственного в городе супермаркета. Нужно было купить пару бутылок минералки и, конечно, мороженое.

Эльдар вышел из машины, и тут его внимание привлекла кошка. Рыжая, облезлая, она лежала на бетонном бордюре, в тени ветвистого тополя.

Он подошел к ней, присел на корточки и погладил. Кошка замурлыкала, потерлась мордочкой о его ладонь.

– Привет, подруга, – произнес Эльдар. – Голодная, наверное?

Он поднялся и быстрым шагом направился в супермаркет. Вышел через пять минут с минералкой, мороженым и колечком дорогой копченой колбасы.

Кошка набросилась на колбасу с жадностью, с урчанием, а Эльдар с довольным видом смотрел на ее трапезу. Он любил кошек так же сильно, как ненавидел собак.

Зазвонил телефон.

Эльдар вынул из кармана сотовый, поднес к уху, не отрывая взгляда от кошки.

– Слушаю, Черномор.

– Уже вернулся?

– Да, все сделано.

– Отлично. У меня к тебе будет еще одно задание, – Черномор говорил ровно, неторопливо. – Разущи мне Воя. Привези этого уroda ко мне. Скажи, я хочу с ним всего лишь поговорить.

– Привезу, – ответил Эльдар.

Единственно, кого он опасался в Тихой пади, так это Воя, Семена Войнова. Вой – человек резкий, если что, мог и в морду дать, к тому же, у него была собака.

Глава 2

Вой испытывал благоговение, когда приходил на поляну посреди заповедника. Здесь могучим исполином стояло самое странное дерево на свете – окаменевший дуб, чьи навечно застывшие ветви сплетались в причудливой вязи, а кражистый ствол порос лишайником. Глядя на Дерево, Вой частенько отправлялся мыслями в прошлое, в те давние времена, когда люди молились языческим богам, уважали духов лесов, рек и полей. Он представлял себе обряды, которые проводили седобородые волхвы на этой поляне, представлял девушек с венками на головах, приносящих дары к каменному дубу. Здесь Вой чувствовал себя другим человеком. Он забывал о проблемах, забывал о городской суетности. Здесь ему было легко.

А еще Вой ощущал в Дереве тайну. Тайну древнюю, от которой будоражило разум. Он мечтал ее разгадать, но и боялся, как боялись его отец, дед и прадед. Предки верили: каменный дуб – это оберег. И если, не дай Бог, с ним что-то случится, то придет беда, зло, у которого есть имя: морбесты. Кто такие морбесты Вой понятия не имел – эти знания канули в бездне времени. Остались лишь слово, страх и вера.

К Дереву не раз приезжали исследователи. Под присмотром Воя, они измеряли электромагнитный и радиационный фон, брали почву и образцы камня на анализ. Все сходились

во мнении, что само каменное дерево, это, безусловно, феномен, но никаких физических аномалий на поляне нет. А почему дерево окаменело? Произошло замещение древесины кварцем с примесью оксида железа. Как это произошло – загадка. В природе такое встречается только с древесиной, которой миллионы лет, а тут целое дерево, с ветвями – явный феномен.

Вой считал, что это просто отлично, что на поляне нет аномалий. В противном случае от исследователей покоя не было бы. Хуже дело обстояло с сектантами. Вот их-то ему и леснику Серову приходилось гонять не раз. Они как тараканы, по одиночке или группами пробирались в заповедник на поляну и чуть ли не шабаши порой устраивали. И все норовили отколоть от Дерева кусочек, на амулеты. Правда, в последнее время сектантов стало меньше.

Открыв крышку фляги, Вой выпил воды, которую набрал в роднике, в северной части заповедника. Отличная вода, не то, что городская водопроводная. Он сидел на бревне на краю поляны, а над ним нависали ветви клена. Рядом лежал беспородный лопоухий пес по кличке Морок. Пес был молодой, с серой шерстью и размером со взрослого ретривера. Высунув язык, Морок наблюдал, как возле его лапы ползет жук.

Вой посмотрел на часы. 11.30.

Он сидел здесь больше часа, а казалось, прошло минут пятнадцать. Возле дерева всегда так, подумал Вой. Время

летит незаметно. А так бы и сидел до самого вечера, слушая, как шумит в листве ветер. Но пора возвращаться в город. Дела. Со своим другом Игнатом он пять лет назад открыл кузницу в южной части Тихой пади. Ковали заглушки на столбы, элементы орнамента, балясины, подсвечники, оправы для зеркал, ну и, конечно же, холодное оружие – все это уходило влет, и по хорошей цене. Сейчас, летом, работать начинали в пять вечера, а заканчивали в полночь. Успевали. Справлялись. И все бы хорошо, если бы не Черномор: пять лет приглядывался, а теперь захотел процент с прибыли. Игнат, скрипя зубами, согласился – испугался, у него семья, – но Вою такой расклад пришелся не по душе. Вчера, когда двое парней Черномора явились с угрозами, он им вломил как следует, долго теперь будут раны зализывать. Вой понимал, что перешел черту и Черномор все это так не оставит. Но тут уж ничего не поделаешь – воевать, так воевать. Вызов брошен. В конце концов, и у него в Тихой пади есть друзья, которым Черномор поперек горла. Авось поддержат, не испугаются.

– Ну что, пойдем домой? – обратился он к Мороку.

Пес тут же вскочил и завилял хвостом.

Вой поднялся с бревна. Он был похож на былинного богатыря, каких рисуют в детских книжках: крепкий, широкоплечий, с короткой бородой. От переносицы по щекам разбегалась россыпь веснушек, голову венчала черная бандана, из-под которой торчали прямые русые волосы. На плече бы-

ла татуировка – славянский символ рода, а на жилистой шее поверх серой футболки висел оберег в виде серебряной пластинки с рунами. Порой друзья над Воем посмеивались, называли язычником, но для него это было – нет, не вера, – а увлечение всей жизни. И это увлечение к его тридцати пяти годам стало только сильнее.

Вой насторожился, когда увидел во дворе своего дома Эльдара. Тот сидел на скамейке с бутылкой минералки в руке, и, казалось, дремал, откинувшись на спинку. Но нет, не дремал – он повел носом, будто принюхиваясь, открыл глаза и уставился на Воя. Какое-то время они смотрели друг на друга, и в их взглядах дружелюбия было меньше, чем в раскаленной лаве. А потом уголки губ Эльдара дернулись и поползли вверх. Морок зарычал.

Эльдар поднялся. Он был доволен собой, ведь ему даже не пришлось разыскивать Воя. Внутренний голос, голос ягуара, сказал идти сюда, к дому этого язычника, и ждать. Так просто. После телефонного разговора с Черномором Эльдар поехал домой, принял душ, начистил до блеска туфли и отправился сюда.

– Привет, – произнес он, даже не думая протянуть руку для рукопожатия.

– Какого лешего ты тут делаешь? – Будь глаза Воя пистолетами, мозги Эльдара уже разлетелись бы по округе. Он терпеть не мог этого парня с глазами маньяка и прической по-

хожей на воронье гнездо.

– Нужно поговорить.

Неподалеку на детской площадке гомонила детвора, чуть дальше, там, где начинался забор территории школы, суетились дорожные рабочие в оранжевых спецовках. Пахло горячим асфальтом.

– Ну, давай поговорим, – согласился Вой, но в его голосе сквозил вызов.

Эльдар посмотрел на Морока – на миг в его глазах вспыхнул гнев, – а затем перевел взгляд на хозяина собаки.

– Знаешь, ты зря меня считаешь своим врагом.

– Я тебя считаю долбанным психом, и поверь, не я один.

Эльдар примирительно поднял руку:

– Послушай, я ведь не ругаться пришел. Если хочешь знать, мне не по душе, что Черномор позарился на твою прибыль. Ты в городе человек уважаемый и, думаю, ему не следовало с тобой сориться.

– Да мне плевать, что ты думаешь, – Вой прищурил глаза. – И вообще, не ходи кругами, говори, зачем пришел?

Эльдар открыл крышку на бутылке и сделал глоток.

– Хочешь? – предложил он.

– Нет, не хочу, – с легким раздражением ответил Вой. – Говори уже. Тебя ведь Черномор прислал?

– Ага, – Эльдар улыбнулся. – Он хочет с тобой поговорить.

– Знаю я его разговоры.

– Может, он с тобой желает помириться? – развел руками

Эльдар.

Вой невесело усмехнулся:

– Это после того, как я набил рожи его быкам?

– Знаешь, а почему бы и нет? – Эльдар посмотрел на свои туфли и нахмурился, заметив на правой пятнышко грязи. – Ты продемонстрировал силу, а Черномор силу уважает.

– Неужели?

– Так и есть. Он пригласил тебя к себе в особняк, а это, поверь, хороший знак. Я говорил с ним вчера по поводу твоей кузницы и Черномор согласился, что в чем-то был не прав. Для него ведь это мелочь, в смысле доля прибыли с кузницы. А лишние конфликты и шумиха ему ни к чему, – Эльдар присел, стер пальцами пятно с туфли и поднялся. – В общем, решай сам. Если что, я на машине, отвезу. А хочешь, позвони ему, может, он согласится встретиться на нейтральной территории, в кафе каком-нибудь. Но как мне видится, он всего лишь желает сделать жест доброй воли, так к чему все усложнять?

Вой не знал, что и думать. Эльдар говорил складно и, похоже, не лгал. С одной стороны, ехать в особняк опасно, а с другой... может, Черномор и, правда, желает примирения? Тех, кого собираются наказать, обычно не приглашают так обыденно в гости. Странно это все, конечно. А может, и правда, позвонить и договориться о встрече в каком-нибудь кафе? Нет, это пахнет трусостью, а он уже дал ясно понять, что не боится Черномора. Рисковать стоит. Ему,

Вою, конфликт с местным царьком как кость в горле, так что положение нужно исправлять. Надо принять приглашение, поговорить, возможно, извиниться за набитые морды Черноморовских ребят. Да, рискнуть стоит, хотя бы ради друзей – Игната, и ребят, которые работали в кузнице. А если что – есть крепкие кулаки.

– Хорошо, я поеду, – согласился он. – Подождешь минут пятнадцать? Я собаку домой отведу.

– Нет проблем, – пожал плечами Эльдар, а потом посмотрел на Морока, скорчил рожу и шутливо зарычал, показав ровные зубы.

Морок зарычал в ответ и хотел броситься на Эльдара, но Вой удержал пса за поводок.

Дома Вой насыпал Мороку собачьего корма в миску, умылся и позвонил Игнату.

– Слушай, – сказал он, когда друг взял трубку, – Я пока не уверен, но ситуация с Черномором может измениться. Я сейчас к нему еду. Он хочет со мной поговорить.

Несколько секунд Игнат молчал, обдумывая услышанное.

– Мне кажется, это не слишком разумно, – наконец произнес он. – Это, как сунуться в логово зверя.

– А я думаю, неразумно не принять его приглашение, – парировал Вой. – Если не приехать, он вконец обозлится.

– Черт! Может... может, мне с тобой?

Вой понимал, что Игнату эти слова дались нелегко.

– Нет, братишка, я один. Твоя жена меня убьет, если... – он замолчал, потому что краем зрения заметил какое-то движение справа. Повернул голову и...

От того, что Вой увидел, его челюсть поползла вниз, глаза округлились. На стене, между репродукцией картины «Три богатыря» и коллекцией ножей, висела большая фотография каменного дерева – застекленная, в деревянной рамке. Так вот дерево – шевелилось. На фотографии. Шевелилось. Ветви раскачивались, по стволу ползла паутина трещин, а внизу над землей стелилась черная дымка. Вот отвалился сук, за ним еще один и еще, от ствола откололся кусок...

На кухне Морок гремел миской, в телефонной трубке Игнат спросил «Эй, куда ты пропал?», но Вой этого не слышал. Его внимание приковала фотография.

Ветви падали и исчезали в черной хмари. Ствол трескался, от него отваливались куски, будто их высекал невидимый лесоруб. Вой почувствовал, как внутри холодной волной начал подниматься страх.

«Этого не может быть!» – пронеслось в сознании.

Дерево полностью лишилось ветвей, ствол раскололся на множество частей, словно фарфоровая ваза, по которой ударили молотком. Вой зажмурился. Он слышал, как в висках стучит кровь: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

– Семен, что там у тебя? Да отвечай же! – голос в трубке вывел его из оцепенения.

Он открыл глаза.

Фотография. Каменное дерево. Целое. Целое и невредимое. Вой тряхнул головой. Что это было? Галлюцинация?

– Семен, мать твою...

– Да, Игнат? – в горле пересохло, и голос прозвучал хрипло, а потом он сообразил, что держит трубку на уровне груди. Поднес к уху и повторил: – Да, Игнат?

– Куда пропал? У тебя там все в порядке?

Вой не отрывал взгляда от фотографии, с тревогой ожидая, что снимок снова оживет.

– Да... да, все в порядке. Слушай, мне пора. Я потом позвоню, – он повесил трубку.

Из кухни, виляя хвостом, прибежал Морок. Вой потрепал ему шерсть на голове:

– Кажется, у твоего хозяина только что крыша поехала.

Он покосился на фотографию. Галлюцинация? Но какого лешего? С ним в жизни ничего подобного не случилось. Странно все это, очень странно. Вроде и не переутомлялся? Может, от жары? Или это первый симптом какой-то психической болезни? Черт! От этих мыслей Вою стало еще больше не по себе.

Морок лизнул его в нос, будто говоря: «Не отчаивайся, хозяин!»

Ладно, решил Вой. Будет еще время обо всем этом поразмыслить.

Глава 3

Тьма. Абсолютная. Безграничная.

Элла смотрела на «Черный квадрат» Малевича, но видела тьму, которая затягивала как трясина, затягивала, затягивала... и это было ужасно. Но другого пути попасть в Страну Чудес не существовало. Нужно только прорваться через эту трясиину, выдержать, не отступить.

Она сидела без движения в инвалидной коляске. Черные прямые волосы точно оправа обрамляли ее узкое бледное лицо. Зрачки были расширенные и застывшие. Она не моргала. Если закрыть глаза хотя бы на миг, то ничего не получится, путь в Страну Чудес перекроется. А если так, то придется все начинать сначала. Нет, она выдержит, не моргнет, за долгие месяцы научилась. Главное, чтобы никто не отвлек.

Элле было семнадцать. Полтора года назад ее сбила машина. Девушка тысячи раз прокручивала в голове события того весеннего вечера и думала, как много может изменить одна секунда – все перечеркнуть, исковеркать, расколоть жизнь на «до» и «после». Всего одна ничтожная секунда – ничто по меркам вселенной – и ее велосипед разминулся бы с тем «Фольксвагеном». Да, она сама выскочила на проезжую часть, но неужели кто-то там, наверху, не мог хотя бы бросить взгляд на нее, сжалиться и дать лишнее мгновение,

чтобы избежать столкновения. Такая мелочь!

Та страшная секунда отпечаталась в ее сознании, как фотоснимок, на котором были ужас водителя и красный отблеск заходящего солнца на капоте. А потом – визг тормозов, удар и непонимание, что произошло. Ей не было больно, пока – нет. Кто-то закричал. Она видела испуганные лица на фоне предзакатного неба. Кто эти люди и почему в их лицах страх?

– Все хорошо, – сказала она, или подумала, что сказала.

Пахло сиренью и жженой резиной. Небо становилось алым, по нему будто ползла раскаленная лава. Откуда на небе лава? Откуда?! Случилось что-то страшное!

И с этим пониманием пришел ад.

Он был пронизан воем сирен и болью, болью, болью, невыносимой болью...

Отец не жалел денег на лучших хирургов, но операции не принесли результатов. Перелом позвоночника. Инвалидное кресло. Ненависть к запаху жженой резины. И страшный фотоснимок в сознании, на котором всегда будет ужас в глазах водителя и отблеск солнца на капоте.

Через полгода после аварии к ней в спальню как-то зашел отец. Она лежала на кровати лицом к стене. За окном лил дождь – монотонный, по-осеннему печальный. Отец стоял возле ее кровати и молчал. Элла чувствовала его взгляд, слышала дыхание, но не желала поворачиваться. Она смотрела, как по стене движутся тени – отголоски Страны судес, кото-

рую ей еще предстояло открыть. А потом Элла учуяла запах алкоголя. Странно, равнодушно подумала она. Отец не любил выпивать. Видимо, что-то случилось.

Она услышала, как отец пошел к двери, сделал три шага и остановился.

– Я отомстил за тебя, – услышала Элла тихий голос отца. – Мы с Эльдаром живьем закопали того парня, что сбил тебя.

Не сразу до Эллы дошел смысл этих слов, а когда поняла, отца уже не было в комнате. Она даже не шелохнулась, продолжая смотреть на тени, но видела их уже через призму слез. Внутри что-то оборвалось. Она понимала, что сама виновата в той аварии, но, тем не менее, желала, чтобы водитель был наказан. И вот он наказан – люто, бесчеловечно. Отец закопал его в землю заживо. Зачем он рассказал? Зачем? Это неправильно рассказывать дочерям такое. Он ведь колебался, но все же решился и возможно, теперь уже жалеет. В Элле боролись торжество и жалость к человеку, что сбил ее, и жалость проигрывала битву. Девушка слушала, как шумит дождь и думала о цене, которую придется иной раз платить за справедливость. А в ее случае – извращенное чувство справедливости.

А на следующий день она открыла путь в Страну чудес.

Вышло это случайно. Сиделка Мария везла Эллу из гостиной в комнату, и внимание Эллы вдруг привлекла картина, которая висела в коридоре. «Черный квадрат». Отец плохо разбирался в искусстве, но руководствуясь принципом «Ес-

ли знающие люди говорят, что это шедевр, то пускай этот шедевр будет и у меня», развесил по стенам множество копий знаменитых картин.

Раньше Эллу не интересовал «Черный квадрат», она считала, что только психически больной человек мог написать подобный «шедевр». Но в этот раз захотелось рассмотреть картину. Позже Элла решит, что желание было зовом Страны чудес. Девушка попросила Марию остановиться. Она смотрела на «Черный квадрат» не больше минуты, а потом случилась удивительная вещь: Элла увидела очертания города – островерхие башни, каменные стены, у подножия которых росли корявые, окутанные темой хмарью деревья.

Видение длилось несколько мгновений, но их оказалось достаточно, чтобы Элла поверила и твердо сказала себе: там что-то есть! Она была ошеломлена. Ей открылась тень тайны, которую предстояло отгадать. Жизнь снова обретала странный, но все же смысл.

Элла попросила отца повесить картину в ее комнате. Он так и сделал.

Вечерами девушка смотрела на «Черный квадрат» в надежде снова увидеть город. И однажды ей это удалось. Она даже почувствовала запах другого мира – запах прелой листвы. На следующий день видение повторилось, а потом еще и еще. Нужно было только сосредоточиться и смотреть, смотреть, не моргая и отстранившись от всего. Это походило на медитацию.

Но пришел день, когда Элла решила: одного вида города недостаточно. Ей хотелось попасть туда, переступить черту, за которой тайна откроется полностью.

И она переступила черту, но лишь спустя две недели. Чтобы сосредоточиться Элла придумала что-то вроде заклинания, мантры. Слова пришли ей в голову сами собой, будто только и ждали своего часа:

«Там седые туманы и темные леса. Там вечная луна освещает землю призрачным светом. Ветер колышет океаны трав, а воздух пропитал запахами осени. Там в глухих чащобах живут чудесные звери, и в их глазах мерцает древний дикий огонь. Там замки, чьи башни касаются звезд, а по улицам городов бродят тени».

Она повторяла эти слова вновь и вновь, представляя себе то, о чем говорила. И вот тьма окутала разум – липкая, холодная. Путь в Иное не был легким. Хотелось отступить, но Элла терпела и повторяла заклинание, словно от этого зависела ее жизнь...

Это был мрачный мир, но Элла видела в нем особую красоту. Каждый камень, каждое дерево было пропитано темным волшебством. Из окутанного седым туманом леса, вышли чудесные звери, чтобы приветствовать ее, и в их глазах мерцал древний огонь. Она шла по лунной дороге через море трав, и ветер развивал ее волосы. Она шла и наслаждалась каждым шагом. Вдыхала прелые ароматы и смеялась, смеялась, смеялась... Огромные черные птицы кружили в небе,

пронзая криком простор. Элле чудилось в этом крике слова: «Мы ждали тебя! Мы всегда тебя ждали!» Она была счастлива, ее душа ликовала. Элла слышала музыку звезд и ощущала дыхание этого мира.

С тех пор прошли месяцы. Время от времени Элла приходила в Страну Чудес, но не так часто, как хотелось бы. Не всегда получалось настроиться и прорваться сквозь липкую тьму.

Но сегодня ей удалось, и она увидела то, что ее напугало...

Элла стояла возле городских ворот, а вокруг метались тени. Она ощущала их страх. Сквозь рваные клочья туч иногда показывалась красная, будто залитая кровью, луна. Вдалеке, со стороны леса приближались черные силуэты. Они двигались медленно. Элла почувствовала тревогу. Что-то в этих фигурах было не так. Они казались чужими для Страны Чудес.

Тени зашептали:

– Бойся их, Элла, бойся их, – голоса теней походили на шелест листьев. – Это морбесты. Они уничтожат все, все... все...

– Морбесты? – чувствуя, как накатывает волна страха, спросила девушка.

– Да, Элла, они уничтожат все, все... все...

Черные фигуры были уже близко. Тени в панике метались. Тучи неслись по небу, как волны мрачного океана. Элла почувствовала запах жженой резины, земля уходила из-под ног. Все закружилось...

Она очнулась в своей инвалидной коляске. Ее руки дрожали. Бледное лицо блестело от пота. Сквозь занавески пробивалось солнце – в косых лучах сонно кружились пылинки. Элла долго сидела, слушая собственное сердцебиение и пытаясь привести мысли в порядок. А потом в дверь постучали.

– Элочка, – голос Марии, – в саду накрывают стол к обеду, я зайду за тобой через пять минут, хорошо?

– Хорошо, Мария, – ответила Элла. Затем посмотрела на «Черный квадрат» и задумчиво прошептала: – Морбесты.

Глава 4

Эльдар дождался, когда охранник откроет ворота, и заехал на небольшую парковку, на которой стояло два джипа.

– Приехали, – буркнул он. – Добро пожаловать в терем-теремок. Ты бывал здесь раньше?

– Случалось, – ответил Вой, открывая дверцу машины.

Он вышел и посмотрел на особняк. Терем-теремок, как выразился Эльдар, выглядел внушительно: здание было двухэтажным, с аркообразными окнами и крышей покрытой серой черепицей. Широкая мраморная лестница, вдоль которой высились колонны, вела к массивным дверям. Над лестницей нависал полукруглый балкон, украшенный с обеих сторон скульптурами купидонов. Справа от здания находился яблоневый сад, между деревьями виднелась беседка. Слева – аккуратные хозяйственные постройки и оранжерея, сверкающая стеклами на солнце. Над разбросанными тут и там палисадниками порхали бабочки, жужжали пчелы. Вой знал, что за домом находится еще и пасека, Черномор увлекался пчеловодством.

– Пойдем, – сказал Эльдар. – Сейчас время обеда, хозяин в саду.

***

Стол был накрыт в беседке. Элла, Мария и Черномор уже пообедали и теперь пили чай. На застеленном белой ска-

третью столе стояли большой медный самовар, пиалы с вареньем и печенье в фарфоровом блюде. Здесь же в беседке на табуретках сидело двое крепких белобрых парней с угрюмыми лицами и фингалами под глазами. Между парнями на тумбе стоял патефон с огромным раструбом.

– Гости к нам пожаловали? – добродушно сказал Черномор, когда Эльдар и Вой зашли в беседку. – Мария, будь добра, налей гостям чаю, – он привстал из-за стола и указал на свободные стулья. – Присаживайтесь. Жаль вы к обеду не успели. У нас был отличный мясной рулет с чесночным соусом.

– Ничего, я уже пообедал, – проговорил Вой и уселся за стол. От него не осталось незамеченным, с каким презрением на него смотрят парни с фингалами.

А Эльдар обратил внимание на Эллу. Девушка с отрешенным видом глядела на свою чашку и будто не замечала, что за столом стало на два человека больше. Ему нравилась эта девчонка, и он, как и ее отец, почувствовал себя обязанным отомстить тому типу, что приковал ее к инвалидному креслу. Эльдар часто возил девушку на стрельбище, учил стрелять из пистолета, чуть реже – в кино. Он испытывал к ней братские чувства, и порой ему казалось, что в ней скрывается такой же зверь, как и у него, только не столь свирепый.

– Жаркий сегодня денек, – заметил Черномор, а затем обратился к Вою: – Ты угощайся, Семен. Попробуй варенье из алычи, я сам готовил, – он подхватил пальцами блюдце

с чаем, поднес к губам и с хлюпаньем сделал глоток.

– Спасибо, – сказал Вой, принимая у Марии чашку с горячим чаем. Он подумал, что начало этой посиделки обнадеживающее. Может, Черномор и, правда, желает примирения? Вой искоса посмотрел на хозяина, пытаясь понять, что у того на уме, но увидел лишь благодушие. Маска? Возможно. Нужно быть начеку, не стоит расслабляться.

Черномор относился к тому типу людей, глядя на которых веришь: это неплохой человек. Добродушное чуть полноватое лицо, открытый взгляд, в уголках карих глаз – лучистые морщинки, густые темные с проседью волосы зачесаны назад. Казалось, Черномору чужда жестокость, и если бы он был актером, с такой внешностью, ему доверяли бы только роли добрячков. Но те, кто хорошо его знал, понимали, насколько обманчива бывает внешность. Большинство людей в Тихой пади относились к Черномору хорошо. Еще бы, на его деньги построена местная церковь, отремонтирован Дом культуры, содержится собачий питомник в пригороде. Не человек – золото, меценат, благодетель. Да еще и книги пишет – недавно издали его двухтомник про развитие бизнеса в России. Правда, по странному стечению обстоятельств, за год до выхода книги в соседнем городе безвести пропал известный писатель публицист, и злые языки поговаривали, что сидит, мол, теперь этот бедолага в подвале Черномора и кропает нетленки для удовлетворения писательских амбиций хозяина. Слухи – постоянные спутники значимых лю-

дей. Если Черномор и обращал на них внимание, то вида не подавал, главное, большинство его уважало. То большинство, что с радостью закрывало глаза на оборотную сторону благотворительности: криминал. То большинство, что не желало ставить на одну чашу весов церквушку, а на другую грязные деньги, на которые она была построена. Большинство – вассалы маленького королевства.

Вой глотнул чая и решил сделать шаг к примирению:

– Хочу извиниться за вчерашнее. Не хотел я их так сильно, – он кивнул на парней, а те в ответ попытались испепелить его взглядами.

– Забудь, – махнул рукой Черномор. – Сами виноваты. Зажрались они тут у меня, хорошая встряска им только на пользу. Я ведь их не драться с тобой посылал, а поговорить. Велел быть вежливыми, но настойчивыми. Видимо, на первое они решили наплевать. Ну, ничего, – он подлил из чашки в блюдце чаю, – я их сам наказал. Теперь они у меня понижены в должности до охранников патефона.

Эльдар рассмеялся, а Вой снова взглянул на парней и изобразил на лице сочувствие.

Элла встрепенулась, будто очнулась от сна, с легкой растерянностью посмотрела на гостей, потом залпом допила чай и обратилась к Марии:

– Отвези меня домой. Что-то я устала.

– С тобой все в порядке? – нахмурился Черномор. – Ты не заболела?

Элла выдавила улыбку.

– Все хорошо. Просто не выспалась.

«Ее что-то тревожит, – с уверенностью подумал Эльдар. – Нужно потом с ней поговорить».

Мария вывезла девушку из-за стола и спустила коляску по специальному скату на мощеную плиткой дорожку. Дальше Элла поехала сама, толкая обруч на колесе, а Мария пошла рядом.

– Ну что ж, теперь можно и о делах поговорить, – произнес Черномор. Он сунул в рот ложку варенья, прожевал и продолжил: – Я рад, Семен, что ты приехал. Правда – рад. Теперь сложности быть не должно.

– Так что мы решим? – спросил Вой, отодвинув чашку.

– Что мы решим, – медленно повторил Черномор. Он уже собирался взять блюдце, но увидел, что в чай попала муха. Она барахталась в блюдце и пыталась взлететь.

Черномор застыл. Он смотрел на муху с таким напряжением, будто в его блюдце плавала миниатюрная вражеская подводная лодка. Лицо покраснело, на лбу вздулись вены, дыхание участилось.

– Ах, ты, падла! – с хрипом выдавил он. – Ах ты, тварь поганая!

Все с тревогой смотрели на хозяина.

Черномор медленно перевел взгляд с мухи на Воя.

– Ты спрашиваешь, что мы решим? Да кем ты себя возомнил, хорек паскудный?! – с его губ сорвались капельки слю-

ны, в глазах горел гнев.

Вой оценил ситуацию. Никакого примирения не было и в помине.

– Успокойтесь! – резко сказал он.

– Что? Успокоиться? – Черномор пожирал его глазами. – Ты что же думал, я все оставлю как есть? Попьем чайку и пожмем друг другу руки?

Эльдар сидел хмурый. Ему очень не нравилось происходящее. Хозяин оказался полон сюрпризов.

А вот белобрысые парни были довольны. На их губах играли зловещие улыбки.

– Да что ж вы за человек-то такой?! – Вой хлопнул по столу ладонью и поднялся. – А я уж поверил... Будет мне урок!

– Урок? Да, тебе будет урок! Ты даже не представляешь, какой! – Черномор вскочил с места, опрокинув стул.

– Плевать я на тебя хотел! Думаешь, я тебя боюсь? – Вой с вызовом смотрел на хозяина. – Если желаешь войны, будет тебе война!

Черномор усмехнулся.

– Вот дебил. Герой выискался. Воевать со мной собрался? Ну-ну. Но только я вот что тебе скажу: никакой войны не будет! А знаешь почему? Потому что ты тихо, мирно отдашь мне свое вонючее предприятие, а потом свалишь из города навсегда.

– Да неужели? – Вой чувствовал себя полным кретином из-за того что послушал эту сволочь Эльдара и приехал сюда.

– Ты так сделаешь, – стальным голосом заверил Черномор. – В ином случае, пострадают твои друзья. Их же у тебя много в городе? Дело ведь не в кузнице, для меня это мелочь, а в том, что ты взбесил меня. Это мой город и я не желаю тебя в нем видеть. Совсем не желаю! Я бы мог тебя просто напросто грохнуть, но у меня на этот счет есть свои принципы.

– Если что-то случится с моими друзьями, – сквозь стиснутые зубы процедил Вой, – я тебе глотку перегрызу!

– Говоришь, как придурошный герой из боевика, – ухмыльнулся Черномор. – Мог бы сказать что-то не столь шаблонное.

– Я тебя предупредил!

Черномор развел руками.

– Ох, и дурак же ты, парень! Я что, по-твоему, просто стою тут перед тобой и языком треплю? Ты свалишь из города униженный. Сначала я взорву то каменное дерево, которое для тебя дороже всего на свете, а затем...

Вой взревел как зверь, схватился за край стола и резко перевернул его. Эльдар упал вместе со стулом, рядом грохнулся самовар, блеснув на солнце медным боком, затренькали чашки, блюда, ложки. Вскочили белобрысы парни, опрокинув патефон. Вой ринулся на Черномора, размахнулся, ударил. Но тот с неожиданной ловкостью увернулся – кулак пролетел в сантиметре от его носа.

– Мать твою! – воскликнул Эльдар. Варенье заляпало ему лицо.

Один из парней споткнулся об патефон. Рука другого нырнула в карман пиджака.

– Прибыю, тварь! – глаза Воя пылали яростью. Его кулак опять прошел мимо цели. И откуда в Черноморе такая прыть?

В следующее мгновенье Воя потрянуло так, что в глазах потемнело, тело пронзила боль. Белобрысый парень вдавил ему в шею контакты электрошокера. Вой захрипел, чувствуя, как скручивает мышцы. Внутри все стянуло в тугой клубок. В голове будто взорвался вулкан.

– Психовать вздумал?! – выкрикнул Черномор. – Не вышло мне врезать, а? Думал, я беспомощный старичок?

Вой этих слов уже не слышал. Он рухнул на дощатый пол беседки.

Эльдар поднялся, стер пальцами варенье с лица и брезгливо потрянул рукой.

– Вот же ж, хрень какая! Ненавижу малиновое... попил чайку называется...

Черномор склонился над поверженным Воем.

– Наивный дурачок, – почти добродушно проговорил он. – Мириться со мной приехал. Э-эх, глупый ты челове-чишка. А вот за беспорядок заплатишь. За все заплатишь, – Черномор погрозил пальцем, будто отчитывая нерадивого мальчишку.

Один белобрысый парень поднял и поставил на тумбу патефон, а другой, с сосредоточенным видом начал прикреп-

лять к аппарату отлетевший раструб.

– Не уследили все-таки, гаденыши! – воскликнул Черномор и всплеснул руками. – Ничего вам доверить нельзя. Это же антиквариат! Знаете, сколько я заплатил за него? Если пластинки крутить не будет, вычту из вашего жалованья, обалдуи!

Эльдар, уже носовым платком вытирая лицо, спросил:

– Что с Воем будем делать?

– С Воем? – Черномор пригладил свои растрепавшиеся волосы. – Свяжем ему руки, погрузим в «джип». А потом мы все вместе поедem в заповедник. Хочу посмотреть, какое у этого дурачка будет лицо, когда мы разнесем то дерево.

– А может, не стоит трогать древо? – нахмурился Эльдар. Он чувствовал, как в сознании недовольно ворочался ягуар. Зверю не нравилась идея Черномора. – Это все же достопримечательность. Она сотни, если не тысячи лет уже стоит...

Черномор раздраженно махнул рукой.

– Ничего ты не понимаешь! Нет ничего занимательней, чем уничтожить легенду. Или ты веришь в бредни, что каменное дерево оберег? А если даже так, тебе не любопытно узнать что будет, если его уничтожить?

– Совсем не любопытно, – признался Эльдар.

Черномор покачал головой.

– Скучный ты человек. Нет в тебе авантюризма, – он повернулся к белобрысым парням, которые все еще пытались приделать раструб к патефону. – А как вам моя идея?

Парни дружно закивали.

– Хорошая идея!.. Просто отличая!

Черномор ухмыльнулся.

– Вот видишь, Эльдар, они тоже любят авантюры.

– Ну, конечно. Кто бы сомневался.

– Не будь таким нудным, парень, – Черномор состроил кислую гримасу. – Не порть мне настроение. Я хочу провести этот день весело, увидеть большой бабах, так что давай, прекращай ныть.

Эльдар кисло посмотрел на бесчувственного Воя и вздохнул. Потом встрепенулся.

– Да, кстати... – он полез в карман, вынул пластиковый пакетик с пальцем фермера.

Брови Черномора поползли вверх.

– Ты что, все это время его в кармане таскал? Фу-у! Выкинь его к чертям собачьим! Выкинь эту мерзость! Только не в моем саду.

– Ты же сам сказал, что тебе нужен палец?

– Ну, не буквально же!

Эльдар хмыкнул.

– Но пальцы тех двух барыг ты же взял?

– Да, взял. Посмотрел на них и выкинул. Я что, по-твоему, маньяк какой, чтобы части человеческих тел собирать? – возмутился Черномор. А потом смягчился: – Ну ладно, хватит об этом, – он повернулся к белобрысым парням. – Все, берите Воя и тащите в машину.

Черномор сделал глубокий вдох и с улыбкой выдохнул, представив себе, как Каменное дерево разлетится на куски. Уже скоро. Большой бабах. Да, он наплел Эльдару чушь про дух авантюризма, но дело было не в этом, и даже не в желании наказать Воя, а в навязчивой мысли, которая засела в сознании неделю назад. Она взялась будто бы ниоткуда. Или была частью сна, из-за которого он проснулся в холодном поту. Эта мысль не давала покоя, зрела как чирей, превращаясь в зудящую уверенность: если дерево не уничтожить, случится что-то очень, очень не хорошее. Внутренний голос был настойчив: «Сделай это! Сделай, сделай!» Черномор привык прислушиваться к внутреннему голосу, в ином случае он не добился бы в жизни ничего. Ему начало казаться, что дерево всегда вызывало в нем отвращение, и даже страх. Конечно же, этот дуб никакой не оберег! Напротив, он как источник скверны. А Вой просто глупец, не видит очевидного: дерево – зло! Хотя нет, размышлял Черномор. Вой и его предки знали про дуб все! Точно, знали. Они как какие-то языческие жрецы оберегали его. В тот момент, когда Черномор пришел к этому умозаключению, он и решил уничтожить дерево на глазах Воя. Пусть видит, как рушится алтарь темного божества. Пусть видит! А потом убирается из города как побитый пес. Таким, как он, в королевстве нет места.

Глава 5

«Какой же я идиот!» – злился на себя Вой.

Ему хотелось кричать от бессилия. Это надо же самому, по доброй воле, сунуться в ловушку? Что теперь делать? Он судорожно пытался найти выход из положения. Хоть какой-то вариант. Нет, Черномор не остановится, осуществит задуманное. Оставалось только смотреть, как белобрысые ублюдки закладывают у основания каменного дерева взрывчатку. И откуда Черномор ее достал? Хотя, для таких как он, ничего невозможного нет. Все ведь продумал, скотина. Заранее подготовился.

Вой сидел на земле, на окраине поляны, почти в том самом месте, где еще утром наслаждался лесным спокойствием. Руки и ноги были обмотаны скотчем. Ноги связали после того, как пришли на поляну и Вой вдарил мысом кроссовки в пах белобрысому парню, а потом попытался убежать.

Рядом стоял Черномор в штанах цвета хаки и белой рубахе с коротким рукавом. Эльдар с недовольным видом сидел на бревне и вытирал платком с туфли грязь, которую можно было разглядеть только под лупой. Как только выехали из особняка, Эльдар заявил, что хорошо бы заехать к нему домой, чтобы он смог переобуться. Жалко ведь туфли. Но Черномор был против: «Времени не будем терять», – сказал, как отрезал.

Джип оставили на лесной дороге, в полукилометре от поляны, так что оставшийся путь Кириллу и Эдику – белобрсым парням – пришлось тащить ящик со взрывчаткой. По дороге Вой пытался вырваться, ему даже удалось двинуть плечом Эльдара и пихнуть Кирилла и Эдика так, что те уронили ящик. Но Черномор опять проявил чудеса ловкости: подскочил сзади, сделал удушающий захват, а тут уж и остальные опомнились, завалили, скрутили и надавали тумачков.

Сейчас, сидя связанным на краю поляны, Вой с отчаянием думал, что еще в машине нужно было устроить потасовку. Вдарить головой по затылку Кириллу, который сидел за рулем. Кто знает, может, тот крутанул бы руль, съехал бы в кювет, врезался в дерево. А теперь, когда шанс упущен...

– Вы скоро там? – крикнул Черномор. Он стоял, скрестив руки на груди.

– Уже скоро, – весело откликнулся Кирилл.

Эдик, который помогал ему укладывать взрывчатку, был не столь радостным – давала знать боль в паху.

– Смотрите, ничего там не перепутайте.

– Все будет как надо.

Вой напрягся, пытаясь разорвать путы и наперед зная: ничего не получится. Его лицо стало пунцовым.

Черномор усмехнулся, заметив его старания.

– Ни как, да? Ты бы лучше расслабился. Наслаждайся природой. Смотри, какой тут воздух, – он прикрыл глаза,

раскинул руки и сделал глубокий вдох. – Красота! Просто чудо какое-то. Всегда мечтал жить в лесу, в избушке. Знаешь, Семен, я, наверное, так и сделаю. Брошу все к чертовой матери, и уеду в глухую тайгу жить. Эй, Эльдар, не хочешь поехать в тайгу?

– Нет, спасибо, мне и здесь хорошо, – угрюмо ответил Эльдар.

Он закончил чистить туфли и теперь, приставив козырьком ладонь ко лбу, смотрел на небо поверх деревьев. – Кажется, дождь будет. Вон тучи ползут.

– Дождь, это хорошо, – сказал Черномор. – После дождя грибы растут.

Отчаяние Воя достигло предела.

– На кой черт тебе дерево-то взрывать?! – заорал он.

– Знаешь, Сема, – голос Черномора звучал спокойно, – я человек в чем-то творческий. Привык смотреть на жизнь... как бы лучше выразиться?... С прищуром художника, выскивающего на картине лишние мазки, – он улыбнулся, явно довольный найденным сравнением. – Ты понимаешь, о чем я?

– Нет, черт возьми, нихрена не понимаю!

– Это потому, Сема, что ты привык общаться с людьми недалекими.

Вой тяжело задышал.

– Может, хватит нести весь этот бред! Ну, хочешь меня наказать – накажи! Но дерево-то тут причем?!

Уголки губ Черномора опустились, а потом снова поползли вверх. Некоторое время он с умилением смотрел на Воя, а потом изобразил ногами что-то вроде чечетки и нараспев проговорил:

– Де-ре-во, де-ре-во. Что за чудо-де-ре-во. Мы его сажа-ли, мы его расти-ли, – отплясывая он повернулся на месте. – Выросло оно большое и краси-во-е. Де-ре-во, де-ре-во...

Черномор хлопнул в ладоши и остановился.

– Да ты псих! – выдавил Вой. – Тебе место в психушке!

– Был я там, – продолжая улыбаться, ответил Черномор. – По молодости. Э-эх, моя молодость! – он тряхнул головой. – Как вспоминаю, так содрогаюсь.

Эльдар невесело усмехнулся, а Вой постарался взять себя в руки и успокоиться. Нужно во что бы то ни стало убедить Черномора не взрывать дерево. Но как?

– Послушай меня, – торопливо заговорил он. – Ну, зачем тебе это? Сам посуди, люди в Тихой пади и деревнях вокруг относятся к дереву как к святыне. А когда они узнают, что именно ты его уничтожил? Зачем тебе портить репутацию?

– Резонно, – буркнул Эльдар.

– Ты-то помолчи, – осек его Черномор и обратился к Вою: – А с чего ты взял, что люди узнают? Я никому не скажу, Эльдар не скажет, олухи белобрысые – тоже. Ты расскажешь? Вряд ли, ведь за это твои друзья поплатятся.

Вой поморщился, словно раскусил жгучий перец, и натужно проговорил:

– Но зачем? Это же все бессмысленно, – его гнев начал уступать место страху. Перед глазами встала фотография, на которой каменное дерево разрушалось, а обломки ветвей и ствола падали в стелющуюся по земле мглу. Это же было предупреждение! Никакой не симптом начинающейся болезни, а мистическое предупреждение. Знак. Каменное дерево, которое простояло многие века, пережило тысячи ураганов и студеных зим, будет разрушено. Оберег будет уничтожен. Морбесты! Слово ворвалось в сознание Воя, причинив боль. Он застонал.

Черномор склонился над ним и шепотом, будто доверяя тайну, произнес:

– Это не бессмысленно, Сема. Не бессмысленно. Я еще в жизни ни делал ничего более важного. Ты ведь все понимаешь, верно? Все понимаешь, – Вой видел, как блестят его глаза. – Но я знаю, почему ты так дрожишь над этим деревом. Знаю правду.

– Что ты несешь?! – прошипел Вой. – Ты хоть сам понимаешь, мать твою, что ты несешь?!

Черномор выпрямился и приставил палец к губам.

– Тс-с-с... Помолчи, Сема. Помолчи. Скоро все закончится, – он повернулся и посмотрел на приближающиеся тучи. Иссиня-черные, подсвеченные в авангарде солнцем, они с мрачной неумолимостью пожирали синеву неба. – Будет гроза, – тихо проговорил Черномор.

Подтверждая его слова, раздался далекий рокот грома,

будто утробно заурчал огромный зверь. Начал подниматься ветер.

Вой с надеждой посмотрел на каменное дерево, прошелся взглядом по его ветвям. Этот дуб для него всегда олицетворял вечность, то, что было и будет всегда. Как звезды. Как время. Может, он выстоит? Может, дуб бережет какое-то волшебство, и нет на земле силы, способной разрушить его? Вой понимал, что цепляется за соломинку, но больше ведь ничего не оставалось, как надеяться на чудо.

– Все готово! – с довольным видом выкрикнул Кирилл, и похлопал ладонью по каменному стволу. Эдик раскручивал небольшую катушку с запальным шнуром.

– Наконец-то, – проворчал Черномор.

Эльдар вздохнул. Ягуар внутри тревожился. Что-то давило на сознание, и это было не ощущение грозового фронта, не приближение бури, а нечто иное. Подобное он испытывал два года назад, когда убил ту светловолосую девушку в Москве. Девушку, которая разозлила ягуара. Свидетелей убийства не было и по всему выходило, что Эльдара никто не заподозрит, но ягуар тревожился, он чувствовал: нужно бежать из Москвы! Эльдар помнил ту тяжесть, давящую на сознание, будто могильная плита. Тогда ему казалось, что некое вселенское око шарит своим взором по поверхности планеты Земля, выискивая его и ягуара. Тяжелое было ощущение, почти как сейчас. Но почему? Чем вызвана тяжесть на душе? Что в этот раз тревожит ягуара?

– Может, все-таки оставить дерево в покое? – спросил Эльдар.

Он знал, каков будет ответ, но не мог ни сделать попытку.

– Все будет, как я решил, – с недовольством посмотрел на него Черномор. – А если и дальше станешь сомневаться в моих решениях, уволю к чертовой матери. Понял?

– Понял, – хмуро проговорил Эльдар.

– Вот то-то.

Подошли Кирилл с Эдиком.

– Ну что, остается только фитиль поджечь, – улыбнулся Кирилл. – Мы сделали так, чтобы взрывчатка рванула одновременно во всех местах.

– Ничего не напутали? – строго спросил Черномор.

– Все четко, – всплеснул руками Кирилл. – Все по инструкции, как знающие люди рассказали.

Над лесом прокатился рокот грома. Ветер усилился. Тень от плывущих по небу туч двигалась по поляне, накрывая каменное дерево мрачным саваном.

– Тогда не будем медлить, – Черномор вытер ладонью испарину со лба. – Только отойдем подальше. Кирилл, Эльдар, оттащите Воя.

Через минуту Черномор, Эльдар, Вой и Кирилл были в достаточной безопасности, метрах в пятидесяти от каменного дуба и под прикрытием древесных стволов. А Эдик стоял возле запального шнура, ожидая команды.

– Поджигай! – крикнул Черномор, и когда уже Эдик чирк-

нул зажигалкой, замахал руками: – Нет, постой! Погоди пока!

Он быстрым шагом направился к каменному дереву.

– Будь ты проклят, урод! – бросил ему вслед Вой.

– Лучше не зли его, – буркнул Эльдар. – Мало ли что.

– Пошел ты, гнида!

Черномор подошел к дубу и помочился, прикрыв от удовольствия глаза. А когда вернулся, снова скомандовал:

– Поджигай!

Эдик запалил шнур, секунду смотрел, как он горит, после чего со всех ног бросился к остальным.

Из груди Вой вырвался стон. А Черномор задрожал от возбуждения. Скорчив гримасу, он с пылом произнес:

– Эх, щас рванет!

Задрожал и Эльдар, но по другой причине: тревога нарастала с каждым ударом сердца. Ягуар внутри издал рев...

– Убью вас, твари! – сквозь стиснутые зубы выдавил Вой.

Раздался взрыв, еще один и еще – алые вспышки, пронзенные каменным крошевом. Грохот поглотил тишину леса, устремляясь волной в разные стороны, взметнув слой земли и сорвав с растущих вокруг поляны деревьев листву. Заклубилась серая пыльная мгла, сквозь которую проступал силуэт оседающего, будто уходящего в недра дуба. Эхо взрыва словно застыло на одной гудящей ноте, в которую вплетался скрежет ломаемого камня. Дерево рухнуло, врезалось в землю осколками ветвей и, подняв еще одно облако каменной

пыли.

Эхо растворилось в лесной дали, и теперь только ветер шумел листвой. Под его порывами пыльная мгла над поляной начала быстро рассеиваться.

Все долго молчали, глядя на каменные обломки, которые походили на разрушенный скелет древнего чудовища. Вой не мог поверить своим глазам: вот только что дуб стоял, как вечный незыблемый монолит, и вот его нет! Останки, хаос. Это зрелище казалось нереальным, миражом, который скоро рассеется. В голове гудело после взрыва, в отличие от остальных, у Воя не было возможности закрыть уши. «Дерев больше нет! – сквозь колокольный звон ворвалось в сознание. – Я не смог его уберечь. Не смог!»

– Вот это да! – захлопал в ладоши Черномор. – Как рвануло, а? Вы видели, видели? Это было что-то! Какой получился бабах! Самый лучший бабах в мире!

Он пошел к поляне, а за ним двинулись Кирилл и Эдик. Кроны деревьев озарила вспышка молнии, и через несколько секунд пророкотал гром.

Вой поднялся на ноги, в два прыжка добрался до клена и прислонился к нему плечом.

– Разрежь скотч, – мрачно обратился он к Эльдару, который ссутулившись, задумчиво смотрел на землю перед собой. – Хотя бы на ногах.

Эльдар посмотрел на Воя и нахмурился.

– Не стоило мне сегодня эти туфли надевать, – тихо проговорил он, после чего поджал губы и тоже направился к поляне.

А через несколько секунд произошла странная вещь: у Черномора, Эльдара, Кирилла и Эдика одновременно затрещали сотовые. У кого в кармане, у кого в чехле на поясе, они начали издавать резкий звук, похожий на приглушенные автоматные выстрелы.

– Что за черт? – Черномор настороженно взглянул на парней, и первым вынул из кармана рубашки телефон. Его примеру последовали остальные.

У всех на экране сотовых было одно и то же: серая рябь, на которой мелькали белые и черные точки. Треск то становился сильнее, то почти стихал, будто внутри телефонов шла отчаянная перестрелка с паузами на перезарядку оружия.

– Странно, – уставившись в экран, произнес Черномор.

– Это, должно быть, из-за грозы, – предположил Кирилл.

– Возможно.

Тучи вспыхнули грозowymi всполохами.

Эльдар полностью отключил свой сотовый и сунул обратно в карман. Потом оглянулся и посмотрел на Воя, который скачками приближался к поляне. Ягуар внутри все еще тревожился. Что-то было не так. Он чувствовал в воздухе напряжение. Телефоны трещали из-за грозы? Чушь! Дело не в грозе. Ягуар чуял опасность.

«Оно приближается!»

Эльдар содрогнулся от этой неожиданной мысли. Но что «оно»? Словно отвечая на его вопрос, ягуар заставил его резко повернуться и уставиться в центр поляны.

«Оно уже близко! Уже здесь!..»

Волосы на затылке Эльдара зашевелились, от лица отхлынула кровь...

«Уже здесь!»

В следующую секунду из земли, заваленной обломками каменного дерева, взметнулось что-то фиолетовое, полупрозрачное, похожее на лепесток гигантского цветка.

Эльдар попятился. Вой споткнулся и упал. Черномор, Кирилл и Эдик застыли как вкопанные, ошарашено глядя, как из-под земли один за другим вытягиваются, будто сотканые из жидкого стекла, испускающие бледные фиолетовый свет, лепестки. Раздался звук похожий на стон, воздух задрожал.

– Что это?! – выдохнул Черномор.

Он с такой силой стиснул в руке мобильник, что тот хрустнул.

Лепестки медленно извивались, с меланхоличной грацией поднимаясь все выше и выше. Они образовывали конструкцию, напоминающую бутон громадного тюльпана. Сквозь лепестки просвечивалась черная сердцевина – она шевелилась, пульсировала. Тяжелый вздох повторился, и лепестки завибрировали, на их поверхности как на фотопленке проявились темно-синие нити, похожие на вены. Бутон стал вышиной с дерева, что росли вокруг поляны.

Эльдар чувствовал, как по спине текут струйки пота. Ноги, словно сами по себе, делали шаг за шагом, отступая. Взгляд был прикован к черной сердцевине в бутоне. Вспышка молнии отразилась в глазах Эльдара, заставив его вздрогнуть.

– Нужно убираться отсюда, – услышал он хриплый голос Воя.

Бутон поднимался и оседал, вздымался и оседал – казалось, что он дышит. Воздух наполнился сладковатым запахом, какой бывает от подгнивших фруктов.

Вой поднялся на колени и с трудом отвел взгляд от бутона. «Эта штука невероятно красива, – подумал он. – Но опасна!» Лепестки ему напомнили фосфоресцирующих глубоководных существ, плывущих во мраке океана, которых он видел в документальных фильмах. Те существа всегда вызывали в нем страх.

– Боже мой! – в глазах Черномора горело восхищение. – Это... это чудо! – он выронил телефон и начал медленно приближаться к бутону. – Боже мой, Боже мой... – его голос дрожал.

– Не приближайся, – еле слышно произнес Эльдар, даже не понимая, что его никто не услышал.

Кирилл и Эдик так и стояли в оцепенении. Ветер теребил их светлые волосы и гонял возле ног каменную пыль. По небу ползли тяжелые тучи, шумел лес, но они ничего этого не замечали, заморожено глядя на испускающий фиолетовый нео-

новый свет бутон.

Раздался очередной вздох и по лепесткам, снизу вверх прошла рябь, а потом они начали медленно опускаться, раскрываясь. Черномор отступил, освобождая им место.

– Боже мой, – ему казалось, что он уже видел этот цветок в своих детских снах. Частичка грез, которая стала реальностью. Вот что держало в заточении проклятое каменное дерево, вот что он освободил. Чудо. И теперь это прекрасное вселенское чудо расцветает на его глазах.

Лепестки плавно опустились на землю, открыв сердцевины – сгусток мглы, в которой извивались толстые лоснящиеся жгуты.

– Развяжи меня! – крикнул Вой.

Эльдар медленно, не моргая, перевел на него взгляд:

– Здесь... здесь плохо пахнет, – отстраненным голосом прошептал он.

Вой дернулся, попытался встать, но не удержался и упал на бок.

– Черт бы тебя побрал! – резко выпалил он. – Возьми себя в руки и перережь скотч! Достань паскудный нож и перережь...

Грохот грома заглушил его голос.

А затем произошло то, что заставило Воя на время позабыть все слова на свете...

Из сгустка мглы вырвалось множество черных жгутов. Как бичи, со свистом рассекая воздух, они заметались над

поляной.

Черномор вскрикнул, когда несколько жгутов с ошеломляющей скоростью обвилились вокруг его тела, подняли вверх. Лепестки всколыхнулись над землей, подняв волну пыли. Раздался чудовищный рев, будто мощный поток ветра мчался по огромной трубе. Черномор орал, пытаясь вырваться, его как тряпичную куклу швыряло туда-сюда над поляной, с ноги слетел ботинок и упал среди обломков Каменного дерева.

Эдик и Кирилл бросились прочь, но не успели пробежать и нескольких метров, как жгуты оплели их и потащили к цветку. На мгновение Вой увидел полные ужаса глаза Кирилла, а потом обоих парней затащило в сгусток мглы, а за ними – Черномора.

Черный бич летел прямо на Эльдара, но ягуар отреагировал, заставил отпрыгнуть – жгут врезался и вспорол землю.

Вой вскочил, сделал несколько прыжков – бич просвистел над головой, – упал и покатился.

Цветок ревел будто зверь, лепестки колыхались. Небо озарила вспышка молнии.

Эльдар побежал. Справа мелькнула тень. Он бросился влево и пригнулся. Жгут захлестнул молодое деревце и вырвал его с корнем.

– Сука! – заорал Вой, заметив убегающего Эльдара.

В следующий миг он увидел два беснующихся черных хлыста. Не найдя жертвы, они подхватили бревно, на кото-

ром лежала кожаная сумка Кирилла, и бросили его через всю поляну с такой легкостью, будто оно было из пенопласта. Сумка же отлетела в сторону Воя, упав в кустарник совсем рядом. Он точно знал: в ней лежит перочинный ножик, которым Кирилл нарезал шнур для взрывчатки.

Эльдар споткнулся, но удержался на ногах. Жгут ударил в плечо, прожужжал как пчела возле уха. Ягуар бросил тело вперед, заставил сделать кувырок. Вовремя. Жгут, яростно вращаясь как штопор, пролетел в сантиметре от Эльдара и врезался в дерево, выбив чешуйки коры.

Вой вскочил на ноги, сделал несколько прыжков и спрятался за толстым стволом клена. Над головой зашумело, раздался треск. Вой посмотрел вверх, увидел жгуты, извивающиеся среди ветвей, будто черные змеи. Он сделал три глубоких вдоха, чувствуя себя на краю пропасти, и запрыгал к кустам ежевики, в которых лежала сумка. Перед ним упала обломанная ветка. Перепрыгнул. Паника нарастала. Краем зрения заметил несколько жгутов справа – они кружились в воздухе, скручиваясь в единый толстый лоснящийся бич.

Небо прорезала молния, и цветок отозвался на вспышку протяжным ревом.

Эльдар бежал, опасаясь оглядываться. Он затылком чувствовал, как за ним, огибая деревья, движутся жгуты. Вокруг шумел лес, позади ревели фиолетовое, похожее на цветок нечто. Эльдар перепрыгнул через кустарник, пробежал десятков шагов и, почувствовав, как неведение разрывает его из-

нутри, оглянулся. Он судорожно всматривался в лесной сумрак. Жгутов не видно, за ним никто не гнался. Эльдар почувствовал дрожь в ногах и опустился на колени. Он тяжело дышал, лицо блестело от пота.

Толстый скрученный бич обрушился на землю в том месте, где секунду назад находился Вой. В воздух подлетели куски дерна, обломки веток и листва. Паника готова была прорваться, вспыхнуть в сознании, еще немного и конец! Вой взревел, бросая вызов самому себе, сделал большой прыжок, упал на колени и схватил ручку черной сумки зубами. Шипы на ветках ежевики вонзились в лицо. От громового раската задрожала земля. Вой увидел, как с треском падает опутанное жгутами дерево. Сжимая челюстями ручку сумки, он запрыгал вправо, прочь от цветка. Над головой промелькнула тень. Вой споткнулся и покатился, увидев черные извивающиеся хлысты.

«Мне конец!» – ворвалось в сознание.

А потом он покатился вниз, в овраг. Ударился головой о трухлявое бревно, но сумки не выпустил. Упираясь в землю ногами, пополз. К расцарапанному лицу прилипли листья, футболка порвалась. Он заметил, как сверху над оврагом пролетел толстый жгут, а через секунду раздался треск ломаемых ветвей.

«Нужно бежать к джипу», – подумал Эльдар, а потом вспомнил, что ключи были у Кирилла.

Проклятье! Черномор мертв, Кирилл мертв, Эдик мертв, Вой... он не мог выжить, у него не было шансов. Ни единого. Надо было развязать его раньше. Они с Воем, мягко говоря, недолюбливали друг друга, но такой смерти язычник не заслужил. Эльдар застонал и тряхнул головой, ощутив редкое для него чувство вины. Долбанный Черномор! Все из-за его глупости. Взбрело ему, видите ли, поразвлечься, взорвать каменное дерево. А Вой был прав, он ведь предупреждал. Дуб действительно оказался оберегом. Но от чего он оберегал?

– Что вообще это было? – прошептал Эльдар.

Перед глазами встал образ фиолетового цветка. Да, это нечто было красиво. На какое-то время оно зачаровало не только его, но и ягуара.

Он слышал, как ревет цветок – словно далекий гудок тепловоза. Этот звук сливался с шумом ветра и вибрировал в нервах Эльдара.

Вой, упираясь ногами, полз вдоль оврага, с ужасом ожидая, что в его ненадежное убежище вот-вот ворвутся жгуты. Он слышал, как они со свистом рассекали воздух совсем рядом. Вой с хрипом дышал, по подбородку текла слюна. Он так сжимал в зубах ручку сумки, что почти перекусил ее. Наверху метнулась тень. Вой застыл, чувствуя, как сердце грохочет, словно паровой молот. Пополз дальше и уперся спиной в корягу.

«Нужно перерезать пути прямо сейчас», – решил он.

Разжал челюсти, и сумка упала на ноги. Он сбросил ее на землю, а потом немного отполз, развернулся, нащупал пальцами замок на сумке. Полыхнула молния, заставив нервы стянуться в тугой клубок. Ветер швырнул в овраг ворох листьев, ветки и сор. Вой зажмурился, пальцы уже судорожно шарили внутри сумки. Связка ключей, маленькая книжечка, изолента. Ага, нож! Вой вынул его из сумки. Открыть лезвие даже в таком положении не составило труда.

Сверху раздался треск. Вой вскинул голову и от увиденного у него перехватило дыхание...

По нависающим над оврагом ветвям ползали черные толстые черви. Они извивались среди трепещущей на ветру листвы и маслянисто блестели. Некоторые вытягивались, делая волнообразные движения, будто пробуя воздух на ощупь.

Вой не решался пошевелиться. Цветок перестал реветь и теперь снова издавал тяжелые вздохи. Загрохотал гром, черви в ветвях задергались, листва зашуршала, будто плеснули воду на раскаленную сковороду. Вой повернул в ладонях нож и начал резать скотч. Запястья напряглись, взгляд был прикован к черным хлыстам наверху. Все, руки свободны. Стараясь не делать резких движений, он перерезал путы на ногах.

«Проклятый Эльдар, – подумал Вой. – Этот урод даже не попытался помочь, а ведь делов-то – полоснуть ножом по скотчу!»

Капелька пота попала в глаз, и Вой зажмурился, увидев сквозь веки грозовую вспышку. Нужно убираться отсюда, решил он. Открыл глаза. Жгуты продолжали ползать среди ветвей, но один свесился вниз, как лиана. Его острый конец извивался. Он был совсем рядом. А с ветки сползал еще один жгут.

Вой чувствовал, как внутри разливается холод. Тень паники опять коснулась сознания. Он стиснул зубы, тело напряглось. Грянул гром. Жгуты дернулись. Вой как черт из табакерки выскочил из оврага и побежал. За спиной раздался треск, шелест, цветок взревел. Вой перескочил через поваленное дерево и тут же услышал грохот позади.

«Только бы не споткнуться!» – мелькнуло в голове.

Он поднырнул под ветвью. Полыхнула молния, на мгновение залив лес серебром. Прорвался через молодую поросль, выскочил на узкую тропу, за долю секунды сориентировался и помчался по тропе сквозь ветреный сумрак. Он чувствовал, что спасся. Невероятно, но спасся! Из груди вырвался крик – нервное напряжение нашло выход.

Глава 6

Хлам. Хлам. Опять хлам. О, вот неплохая вещичка, электробритва. Конечно же, сломанная, но зато пластмассовый черный корпус почти не поцарапан. Красивая штука.

Анна с удовлетворением хмыкнула, сунула находку в пластиковый пакет и продолжила рыться в мусорном контейнере. Вокруг летало полчище мух и ей приходилось то и дело отмахиваться от этих назойливых тварей. Мухи так и норовили сесть на лицо, а когда им это удавалось, их мерзкие лапки неприятно щекотали кожу. К жуткой вони Анна давно привыкла, а вот мухи по-прежнему раздражали.

Она выудила из контейнера плафон от светильника, стряхнула с него картофельные очистки и покрутила в руках, рассматривая. Он был когда-то ярко-желтым, решила Анна. Теперь же пластмассовый плафон выцвел и стал оттенка пожелтой травы. В разряд хороших вещичек его трудно отнести, но с другой стороны...

Поколебавшись, Анна сунула его в пакет.

Она посмотрела на темное, затянутое тучами небо. Порыв ветра едва не сорвал с головы зеленую вязаную шапочку, Анне пришлось придержать ее рукой. Под ногами зашуршали пакеты, почти забытые хорошими вещичками.

«Вряд ли удастся еще что-нибудь найти», – подумала она.

Анна не выглядела как представительница людей, обыч-

но лазающих по помойкам: чистые каштановые волосы локнами выбивающиеся из-под шапочки, тонкий нос, ухоженное лицо, едва тронутое морщинками, а глаза такие зеленые, будто в них находились изумрудные залежи.

Она отбросила в угол контейнера две пластиковые бутылки и прогнала наглую муху, севшую на кончик носа.

«Проклятые насекомые, даже ветер для них не помеха. Может, все-таки хватит на сегодня?» – подумала она.

Уже набралось два пакета вещичек, среди которых штук пять, несомненно, хороших, таких, как электробритва. Да, на сегодня хватит, хотя... А вдруг в контейнере под толщей мусора лежит что-то ну очень хорошее? Такие сомнения мучили Анну всегда, и чаще всего она продолжала поиски. Вот и сейчас, сказав себе: «Еще пять минут», вздохнула и принялась снова копаться в контейнере.

Хлам. Хлам. Опять хлам. Она перебирала мусор осторожно, ведь часто попадались стекляшки, о которые немудрено порезаться. Хлам. Хлам. Кружка с отколотой ручкой и крохотной трещинкой. Взять? Нет, пожалуй, не стоит. Хлам. Тряпье какое-то. Ничего хорошего. А это еще что?..

Ей хватило одного взгляда, чтобы понять: обнаружена хорошая вещичка! Сердце зачастило. Анна вынула из груды мусора небольшой радиоприемник с обломанной антенной. Черный, красивый. Отличная находка. Вот что значат, совсем не лишние, пять минут поиска! Вот что значит усердие!

А теперь точно на сегодня достаточно. Вон какая-то тет-

ка с собачкой сюда идет. Анна не любила, когда кто-то видел, как она роется в помойке. Все эти косые взгляды, отвращение на лицах. Ведь никому же невдомек, что она, сорокалетняя женщина, бывшая учительница, никакая не бомжиха, не опустившийся человек. А то, что копается в мусоре? Так не с голодухи же. Дело в вещичках, которые отслужили свой срок, но до сих пор радующих глаз. Вещичках, которым не место на городской свалке, совсем – не место!

Она взяла пакеты и направилась домой. Небо озарили грозные всполохи, а к контейнеру, с ближайших деревьев тут же слетелись вороны, провожая женщину карканьем.

Анна зашла в подъезд, поднялась по лестнице и...

«Проклятье!» – мысленно выругалась она.

На площадке возле окна стояла и курила соседка – дородная тетка в красном махровом халате и рыжими волосами, собранными в пышный пучок. Она меланхолично подносила сигарету к ярко-накрашенным тонким губам, делала неглубокие затяжки, и выпускала дым через ноздри. На подоконнике стояла банка из-под кофе, полностью забитая окурками.

Анна ускорила шаг, поднимаясь по лестнице. Она очень надеялась, что в этот раз Анфиса промолчит, не выдаст какую-нибудь колкость. Но надеждам не суждено было оправдаться: соседка нацепила на себя маску брезгливости, выпустила из уголка рта сизую струю дыма и проговорила своим скрипучим голосом:

– Не все еще помойки облазила?

«Не отвечай ей!» – чувствуя, как зарождается гнев, приказала себе Анна.

Она миновала площадку, заметив, как соседка демонстративно отшатнулась от нее, будто от чумной.

– Позорище! – не унималась Анфиса. – Не стыдно в отбросах копаться? Посмотри, как от тебя воняет... дышать невозможно. Тухлятина какая-то.

Анна знала, что никакого неприятного запаха нет. Анфиса лгала, но как же мерзко было слышать ее слова!

«Просто, иди вперед, – сказала себе она. – Не давай гневу вырваться наружу».

Анна уже поднялась на следующую площадку, как услышала то, что заставило ее застыть на месте:

– Помойная крыса!

Несколько секунд Анна стояла, чувствуя, как разум затуманивает гнев. Совсем как тогда, когда она ударила своего ученика и в итоге поставила крест на педагогической карьере. Гнев. С тех пор она так его боялась! Но вот он, выполз точно ядовитая змея из-под камня, вызванный словами этой сучки Анфисы. «Помойная крыса!» – слова, которые хуже пощечины. Соседка всегда говорила гадости, но не переходила определенной черты.

Анна выронила пакеты. На висках пульсировали вены. Она повернулась к соседке.

– Что... Ты... Сказала?!

– То, что слышала! – ничуть не смутившись, ответила Анфиса. Над ее головой витало облачко дыма. Она сделала за-тяжку и стряхнула пепел на пол.

Анна начала спускаться по лестнице. «Возьми себя в ру-ки», – сделал попытку вмешаться внутренний голос, но гнев безжалостно подавил его.

На лице Анфисы появилось недоумение с примесью стра-ха.

– Эй, что это ты? – она попятилась и уперлась задом в под-оконник.

Анна быстро прошла последние ступени, и словно разъя-ренная кошка бросилась на Анфису, вцепившись ей в во-лосы. Облачко дыма закружилось, как миниатюрный смерч. Сигарета красным метеором очертила в воздухе дугу и упа-ла на пол, выбив сноп искр. Блеснула молния, осветив стены подъезда призрачным светом.

– Помойная крыса?! – закричала Анна, рванув волосы со-седки. Потом еще раз, и еще...

Анфиса взвизгнула и попыталась высвободиться. Анна разжала пальцы и сделала замах для пощечины, но... ее ла-донь застыла, словно наткнулась на невидимую преграду.

«Что я делаю?!» – с ужасом подумала Анна.

Анфиса тут же воспользовалась ситуацией, метнулась в сторону и побежала вверх по лестнице, оставив на пло-щадке тапок. Ее прическа походила на гнездо, которое свила безумная птица. Она плечом распахнула дверь своей квар-

тиры, метнула на Анну яростный взгляд и выкрикнула:

– Бешеная сука! Теперь ты точно угодишь в психушку! Обещаю! – она плюнула себе под ноги, нырнула в квартиру и громко хлопнула дверью, оставив после себя гуляющее по подъезду эхо и запах сигаретного дыма.

Анна посмотрела на свою ладонь с осуждением, как на причину всех бед. Гнев прошел, растворился в нахлынувшей волне сожаления. Она снова не сдержалась. Поддалась этому подлому порыву. Ну почему всегда находится тот, кто старается вызвать в ней гнев? Такие, как Анфиса?

На улице пискляво залаяла собачонка, прогрохотал гром, заставив окна задрожать. Анна встрепенулась. Она тяжело вздохнула, подняла тапок Анфисы и положила его на подоконник. Затем, с поникшими плечами и печалью в глазах, пошла наверх, к своим пакетам с хорошими вещичками.

Анна поднялась на третий этаж, открыла дверь и вошла. В коридоре висело множество полок, на которых лежали хорошие вещички: сломанные фотоаппараты, отработавшие свой срок часы, будильники, настольные лампы, телефоны, вазочки наполненные шариками от подшипников, пустые флаконы, шахматные фигурки и многое другое, что Анна нашла на свалке. Предметы были чистые и лежали не кое-как, а аккуратно расставлены, разложены на небольшом расстоянии друг от друга.

Положив пакеты возле стены, Анна сняла кеды и направилась в ванну мыть руки. Пятью минутами позже, она, пе-

реодевшись в серые домашние брюки и просторную клетчатую рубашку, расстелила на полу гостиной газеты, уселась в кресло и начала выкладывать из пакетов сегодняшние находки. Да, урожай сегодня неплохой, подумала она. Испорченное Анфисой настроение немного улучшилось.

В гостиной, как и в коридоре, находилось полно хороших вещичек – на полках, в шкафу, на тумбочке, подоконнике, рядом с цветочными горшками. Лишь на одной стене не было полок – стене памяти. Анна полностью оклеила ее конфетными фантиками, обертками от шоколадок и вкладышами от жвачек. Среди этой пестрой красоты висели фотографии Артемки, мальчика, который умер пять лет назад, едва ему исполнилось восемь. Его убила пневмония. А с ним погибла и Анна. Та Анна, что смотрела на жизнь с оптимизмом, веселая, здравомыслящая. Она погибла и воскресла уже иной. Это уже была другая женщина. Анна-тень. Депрессивный человек, часами, со слезами на глазах, перебирающая вещи сына. День за днем, месяц за месяцем. Роман, ее муж, хотел чтобы прежняя Анна вернулась, а Анна-тень злилась на него: почему он не страдает, как она? Почему? Анна-тень кричала на него, винила в том, что он потащил Артемку на рыбалку, где малыш простудился. Она понимала, как это подло обвинять мужа, но совладать с собой уже не могла...

– Я не хочу тебя видеть! Артемка был бы жив, если бы не ты! Жив! Жив! И теперь ты запрещаешь мне страдать?

Хочешь, чтобы я стала прежней? Да будь ты проклят!

– Думаешь, мне не больно? Я каждую минуту думаю о нем! Я закрываю глаза и вижу его лицо. Но пойми же, жизнь продолжается. Семь месяцев уже прошло, пора взять себя в руки и подумать о будущем...

– Будущем? Без него? Ты бездушный сукин сын! Я не желаю тебя видеть!

– Прекрати истерику!

– Пошел во-о-о-он!

Тем же вечером, когда она уснула, Роман собрал вещи Артема и вынес из дома. Анна-тень была в бешенстве:

– Куда ты их дел?! Куда?!

– Выкинул. Я не могу больше смотреть, как ты перебираешь его вещи. Ты ведь сходишь с ума. Нужно избавиться от прошлого...

Анна-тень перерыла все помойки в округе, даже ездила на городскую свалку, но вещи сына не отыскала. Зато нашла на свалке ножку стула. Ей она ударила мужа по голове, когда вернулась домой.

Они развелись через два месяца, а еще через месяц Анна-тень дала пощечину своему ученику и лишилась работы.

С тех пор прошли годы. Она научилась подавлять гнев, но порой он все же прорывался, как гной из перезревшего чирея. Анна больше не винила мужа в смерти Артемки и жалела, что Романа нет рядом. Но у него теперь была новая семья, он стал прошлым, еще одним воспоминанием. Анна

нашла новую работу в интернете, писала рекламные статьи для торговых компаний. Она так искусно и с душой описывала качества товара, хороших вещичек, что работодатели чуть ли не молились на нее.

У нее теперь была спокойная безбедная жизнь с примесью тихой тоски и одиночества, без планов на будущее и желания что-то менять. Она перестала быть тенью, но и прежней Анной не стала, та женщина навсегда затерялась среди призраков прошлого. Прошлого, которое Анна каждый день ходила искать. Она понимала, что вещи Артемки давно превратились в прах. Конечно, понимала. Но... может, произойдет чудо? Оно ведь иногда случается. Боже, как ей хотелось снова подержать в руках игрушки сына, прикоснуться хотя бы на миг к тому, что он так любил, ощутить прошлое кожей, почувствовать запах. Она искала его, искала каждый день... но находила лишь вещи, которым не место на городской свалке.

Анна выложила на газеты находки. Справа – хорошие, слева – не очень. Теперь их предстояло рассмотреть внимательнее и большинство, как обычно, отправится обратно в мусорный контейнер. Жаль, конечно, но квартира не резиновая, полки уже вешать некуда. Но Анна уже точно знала: приемник и бритва останутся. Она их почистит и найдет им достойное место.

Сверкнула молния и через секунду, под аккомпанемент громового раската, по металлическому карнизу забарабани-

ли капли дождя.

Анна взяла приемник, покрутила в руках и выдвинула панельку сзади. В нише находились две пальчиковых батареечки. Она закрыла панель, нажала на кнопку включения. Тишина. Хотя Анна не удивилась, если бы приемник заработал. Она уже приносила со свалки приборы, которые работали.

За окном, среди серой пелены дождя, гудел ветер. После очередной вспышки гром ударил так, что стены содрогнулись, а на улице завывала сигнализация припаркованных во дворе машин. Лампочка в торшере мигнула, потом еще раз и еще...

– Этого еще не хватало, – проворчала Анна.

Она поставила приемник на подлокотник кресла, поднялась и подошла к торшере.

Лампочка мигала и мигала, за окном выла сигнализация. Порыв ветра ударил в окно, заставив форточку с треском распахнуться. Занавески вздулись, как паруса. Анна охнула, а лампочка с глухим звуком «пок» лопнула, погрузив комнату в трепещущий сумрак.

– Ах ты ж... – Анна подбежала и закрыла форточку на шпингалет, но ливень успел швырнуть в лицо прохладные капли.

Она поправила занавески и услышала за спиной треск, будто ломалось множество льдинок. Анна вздрогнула, повернулась и от того что увидела, ее брови поползли вверх от изумления...

Приемник не только издавал треск, но к тому же от него исходило бледное зеленое свечение. Призрачный свет вздрагивал, будто пытаясь вырваться за границы давящего на него сумрака.

Анна часто заморгала и прикоснулась пальцами к виску, почувствовав биение пульса под кожей. Она смотрела на приемник и думала, что такого не бывает. Это все не реально. Здравый смысл говорил, что приемники, найденные на свалке, не могут светиться как призраки из голливудских фильмов. А может, это фосфор? Да, объяснение должно быть.

Сигнализация на улице стихла, и теперь исходящий от приемника треск слышался более четко. Он походил на приглушенные автоматные выстрелы.

Анна чувствовала, как от волнения внутри все дрожит. Она сделала шаг от окна, еще один. В сознании проскользнула безумная мысль: «Я нашла то, что искала!» Но здравый смысл подавил ее: «Это фосфор!» Она услышала, что сквозь треск пытаются пробиться еще какие-то звуки. Что-то невнятное, но похожее на... голос? Конечно, голос. Это ведь приемник. В нем имеются батарейки. Он ловит радиостанции...

– ...беги из... – тонкий голосок пробился сквозь треск. – ...они идут...

Анна остановилась, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Это не радиостанция! Это...

Вспыхнула молния и тут же загрохотал гром.

– ... мамочка, беги из города! Они идут, мамочка!..

Ноги подкосились, и Анна упала на колени.

– Пожалуйста, мамочка, беги из города! Они уже близко!

Беги...

Она задрожала, из груди вырвался стон, глаза наполнились слезами. «Это он! Прошлое вернулось! Вернулось!» Анна хотела что-то сказать, но слова превратились в тихое рыдание.

– Морбесты уже близко, мамочка! Беги из города...

Детский встревоженный голос заглушил треск. Анна замотала головой.

– Нет, не уходи! – сквозь всхлипы проговорила она. В ее глазах отражался призрачный зеленый свет. Она подползла, схватила приемник и прижала к груди. – Не уходи, прошу тебя. Вернись, Артем! Вернись!

Глава 7

Лес шумел, как штормовой океан. В сумрачном небе бесновались молнии, громовые раскаты сотрясали землю, будто в День страшного суда. Деревья стонали под порывами шквального ветра – их кроны гнулись, склоняясь под натиском стихии. Ливень яростно хлестал по листве, вспененные потоки прокладывали себе путь среди вздыбленных корней, коряг и стволов.

А на поляне в центре заповедника дышал чудовищный цветок. Его темная сердцевина с гулом вздымалась и опускалась, вздымалась и опускалась. Излучающие фиолетовый свет лепестки ворочались в грязи. От сердцевины тянулось множество черных жгутов – они извивались в потоках воды, среди обломков каменного дерева, и исчезали в темноте леса.

Лепестки задрожали, всколыхнулись, сгусток мглы начал пульсировать, будто внутри заколотилось громадное сердце. Раздался протяжный глухой рев, перекрыв своей мощью шум ветра. Вспыхнула молния. По лепесткам прокатились мерцающие фиолетовые волны. Во мгле сердцевины показался силуэт человека – он будто выплывал из толщи илистой воды. Вот из мглистой хмари проявилось бледное лицо с открытым, будто в безмолвном крике, ртом, и черными провалами глаз. Выплыла и опустилась на лепесток босая

нога.

Черномор вышел из сердцевины под струи дождя, сделал глубокий вдох и с хрипом выдохнул. Волосы маслянистыми патлами липли к черепу, на шее – рана размером с кулак. В ней шевелились и слегка пульсировали черные лоснящиеся нити. Такие же нити, как клубок червей, ворочались в глубине пустых глазниц. От рубахи остались грязные лохмотья, штаны были разорваны в нескольких местах. Черномор поморщился и провел серым, будто рыбе брюхо, языком по губам. А потом его начало трясти, словно через тело пропустили электрический разряд, из глаз вырвались нити – они яростно извивались, будто пытаясь увернуться от струй дождя. Это продолжалось около минуты, после чего дрожь унялась, нити исчезли в глазницах. Черномор сорвал с себя лохмотья рубашки и прохрипел:

– Мерзкая, мерзкая погода. Очень мерзкая!

Он потрянул головой и пошел по лепестку, который слегка пружинил под его босыми ногами.

В сердцевине показался еще один силуэт. Из сгустка мглы выплыла рука со скрюченными пальцами, а за ней и тело Кирилла. Его глаза были целы, вот только они походили на две черные капли смолы. Правая рука представляла из себя оторванную по локоть культю, в ране шевелились и маслянисто блестели нити. Появление Кирилла ознаменовалось вспышкой молнии и громовым раскатом. На краю поляны, не выдержав натиска ветра, с треском упало дерево. Кирилл су-

дорожно задышал, а потом с утробным ревом выблевал себе под ноги сгусток темной слизи, которую тут же размазал по лепестку ливень.

Черномор поднял с земли обломок каменного дерева и поднес к лицу. Прошипел:

– Вот и славно.

Эдик выполз из сердцевины на четвереньках. У него были такие же черные блестящие глаза, как у Кирилла, а спина выглядела одной сплошной раной. Из нее будто выдрали куски плоти. Среди месива лоснящихся нитей проглядывали кости позвонков и ребер. Эдик медленно поднялся на ноги и тут же упал, сбитый порывом ветра. Снова поднялся. Задрожал. Нити вырвались из ран на спине, как иглы, и через мгновенье снова втянулись.

Кирилл подошел к Черномору, а за ним и Эдик. Какое-то время они стояли возле цветка, не обращая внимания на ливень, затем направились в сторону Тихой пади. Они уверенно шли через темный лес, вдоль извивающихся жгутов, а над ними шумели деревья, метались сорванные ветром листья. Молнии резали небо на части, грохотал гром, будто там, в вышине, сталкивались и раскалывались исполинские камни.

Три тени вышли на лесную дорогу, по которой бежали пенные потоки. Здесь стоял «Джип» похожий на огромного жука. Крыша была смята тяжелой обломанной ветвью, на капоте блестели осколки лобового стекла, колеса наполовину

погрузились в клокочущую под напором дождя лужу.

Тени прошли мимо машины, быстро двигаясь по грязевому месиву.

Элла уже больше часа смотрела на «Черный квадрат», но не могла сосредоточиться, мешала гроза. А попасть в Страну чудес было необходимо как можно скорее. Элла чувствовала: миру запределья требовалась помощь. Те странные существа, что она видела, морбесты, они могут навредить Стране чудес. Проклятая гроза! Когда очень нужно, всегда что-то мешает сосредоточиться. Что же делать? Элла нервничала. Она в очередной раз попыталась расслабиться, закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдоха, медленно в уме досчитала до десяти...

Удар грома заставил ее встрепенуться. «Спокойно, спокойно», – сказала она себе и снова досчитала до десяти. Потом открыла глаза, уставившись на картину, и начала шептать заклинание:

– Там седые туманы и темные леса. Там вечная луна освещает землю призрачным светом. Ветер колышет океаны трав, а воздух пропитан запахами осени. Там в глухих чащобах живут чудесные звери...

Она повторила заклинание семь раз и очередной громовой раскат даже не заметила. Ее зрачки то сужались, то расширялись. Сознание погружалось в черную вязкую пучину. Теперь нельзя отступить, нужно прорываться, во что бы

то ни стало. Страх накатывал липкими волнами, ощущение бездны давило на разум. Элла всегда боялась затеряться и остаться здесь навсегда. Она двигалась по невидимой тропе, которую нащупывала внутренним взором, шестым чувством. Тропа была такая зыбкая, ненадежная. Сколько раз Элла поддавалась панике и возвращалась, опасаясь, что тропа ускользнет, растворится во мраке. А потом корила себя за трусость, ведь приходилось начинать путь сначала. После неудачи редко получалось настроиться, сосредоточиться.

Сейчас помогала злость. Она подавляла страх, и Элла двигалась и двигалась вперед с упорством рвущегося в бой солдата. Вот мрак стал не таким плотным и липким, он превращался в серый туман. Элла почувствовала свои ноги – для нее это было всегда особо волнующе. Голые ступни касались прохладного камня, такое естественное и в то же время чудесное ощущение.

Туман стал белесым, его невесомые пряди медленно клубились вокруг. Элле казалось, что она идет среди облаков по небесному мосту. С каждым шагом туман становился все прозрачней. Наконец, он распался на седые клочья, и Элла обнаружила, что шагает по широкому каменистому плато, залитому лунным светом.

«Все как прежде, – подумала она. – Ничего страшного в Стране Чудес не произошло».

Элла сделала глубокий вдох. Пахло прелой листвой и... чем-то сладким, будто подгнившими фруктами.

Элла часто попадала на это плато. С него открывался прекрасный вид: леса под лунным светом, будто залитые расплавленным серебром, огромный город, мрачная красота до самого горизонта.

Но сейчас было страшно подходить к краю плато. Все из-за запаха. Он чуждый. Совсем-совсем чуждый, как те силуэты, которые она видела в прошлый раз. Морбесты. Элла чувствовала себя как в детстве, когда услышала ночью под кроватью шорох и вообразила себе чудовище, затаившееся внизу во мраке. Тогда она так и не решилась заглянуть под кровать – накрылась с головой одеялом и дрожала, пока ужас не достиг предела и не заставил опорожнить мочевого пузыря.

Она остановилась в нескольких шагах от края, с трудом сдерживая дрожь. Неожиданно захотелось сбежать, вернуться в чертово инвалидное кресло, в свою комнату. Ведь это было так легко, всего лишь отстраниться разумом от Страны чудес и ты уже там, в мире тоски, в проклятой опостылевшей реальности, в которой мечта сделать хотя бы шаг, так и останется мечтой. Нет ничего проще, чем сбежать, но сможет ли она потом вернуться? Элла посмотрела на луну, будто прося у нее поддержки.

– Пусть все будет хорошо, – прошептала она, а потом сжала кулаки, решительно направилась к краю плато и...

Той Страны чудес, что она знала, больше не было. Страшные ожидания оправдались. Повсюду, насколько хватало об-

зора, землю покрывали огромные, похожие на угрей тела. Они медленно извивались, отражая лунный свет, сплетались друг с другом. Элла слышала приглушенное расстоянием влажное чавканье. Лес превратился в бурелом, лишь редкие деревья еще стояли, как обгорелые спички на полной змей болотной жиже. Но среди черных лоснящихся тел Элла увидела и еще кое-что... множество громадных морских звезд, от которых исходило бледное фиолетовое сияние.

«Нет, не звезды, – подумала она. – Раскрытые бутоны, чудовищные цветы».

Элла дрожала. Что за сила могла превратить Страну чудес в ад? Хотелось кричать от отчаяния. Она перевела взгляд на луну и теперь смотрела на нее с осуждением и болью, будто та была виновата в происходящем, за ее равнодушный призрачный свет. Сейчас Элла чувствовала себя так же, как в тот день, когда узнала, что больше никогда не сможет ходить. Все рушилось. Неведомая сила снова меняла жизнь. Глаза наполнились слезами. Элла подошла к самому краю плато. Один шаг и страдания останутся позади. Ее обнаружат в настоящей реальности в инвалидном кресле мертвой. Всего один шаг. Зачем она только вернулась сюда? Ну, зачем? Лучше бы не знала ничего, надеялась бы, что Страна чудес такая же, как прежде.

Она увидела раскрывающийся среди бурелома фиолетовый бутон – из его черной сердцевины выползали щупальца. Элла почувствовала злость.

– Мразь! – прошипела она.

А потом отступила от края, пылающий гневом взгляд заметался по земле и наткнулся на камень размером с кулак. Элла подбежала, схватила его и швырнула в пропасть.

– Вонючая мразь! Хочешь, чтобы я сдохла?! Ты этого хочешь?! – она сжала кулаки до боли в костяшках. – Не дождешься! Это моя Страна чудес! Моя!

Снизу поднялась волна теплого, пахнущего гнилью воздуха. Волосы Эллы взметнулись. Раздался звук, словно тяжело вздохнула сама земля. Змеевидные отростки встрепенулись, задергались, а потом, извиваясь, потянулись вверх.

Элла увидела, как от горизонта по небу плывет что-то огромное, заставившее ее подумать о скате. Оно двигалось неторопливо, величественно, отбрасывая на землю тень, которая с мрачной неумолимостью пожирала лунный свет. Тяжелый вздох повторился. Щупальца внизу вытянулись во всю длину и теперь раскачивались из стороны в сторону, как водоросли в тихой реке.

Затаив дыхание Элла смотрела на плывущее по небу, подсвеченное лунным светом нечто. Злость сменилась благоговейным страхом. Мир внизу накрывала тень, в которой бледно сияли фиолетовые бутоны.

– Пожалуйста, уходи, – теперь уже жалобно прошептала Элла. – Оставь Страну чудес. Она моя, моя. У меня больше ничего нет. Совсем ничего...

Ответом ей стал тяжелый вздох и волна теплого воздуха.

Элла попятилась, обреченно опустив голову.

«Как же все несправедливо», – подумала она.

Тяжесть потери давила на сознание. Элла чувствовала себя марионеткой, над которой издевался безумный кукловод, всемогущий извращенец, проверяющий предел ее прочности. Когда-то он украл секунду, а теперь лишил целого мира. Элла посмотрела на небо. Похожее на ската исполинское существо медленно приближалось, поглощая искры звезд. Скоро оно скроет луну, и Страна чудес погрузится во мрак.

Ноги начали неметь, терять чувствительность. Элла поняла, что больше никогда не сможет сделать и шага. Полтора года назад это понимание едва не свело с ума, а сейчас вызвало лишь тоску. Жизнь теперь станет прежней, пустой без волшебства, бессмысленной без Запределья. Инвалидное кресло ждет. Инвалидное кресло и гроза за окном. Элла закрыла глаза и сквозь веки увидела, как гаснет лунный свет. Навсегда. Еле слышно она зашептала:

– Там седые туманы и темные леса. Там вечная луна освещает землю призрачным светом... – глаза щипало от слез. В сознании всплыли образы чудесных зверей, которые жили в глухих чащобах. Образы всплыли и погасли, а Элла продолжала шептать заклинание, но уже не могла представить то, о чем говорила.

Это были теперь просто слова.

Волшебство исчезло.

Она сидела в инвалидном кресле и слушала шорох дождя.

Глаза по-прежнему были закрыты, из-под сомкнутых век ка-
тились слезы. Гроза уходила – раскат грома донесся издале-
ка, словно отголосок прошлого.

Глава 8

Эльдар вернулся домой мокрый, грязный, но довольный, что вообще выжил. В лесу во время бури его едва не придавило падающим деревом. Если бы не реакция ягуара, лежать бы ему сейчас на раскисшей дороге со сломанным позвоночником. Можно сказать, в рубашке родился. Да и когда вышел из леса на трассу, опять-таки повезло: остановился старичок на древнем как мир «Запорожце».

«Проклятые туфли!» – думал Эльдар разуваясь.

С одежды текла вода, образуя на паркете грязную лужу. Прежде чем идти под горячий душ, он зашел на кухню, развел в стакане с водкой чайную ложку красного перца и залпом выпил.

Через полчаса, приняв душ, переодевшись в чистые джинсы и съев два бутерброда с ветчиной, Эльдар сидел на кухне за чашкой чая и думал, что делать дальше. Черномора больше нет, от него не осталось даже праха. Зато в лесу есть фиолетовое нечто, которое убило четырех человек. Сообщить в полицию? Это было бы разумно. Он представил себе лица служителей закона, когда те увидят чудовищный бутон. Хотя нет, вряд ли теперь возможно подойти к нему близко, там ведь по лесу расползлись черные жгуты – схватят и утащат в сердцевину любого смельчака.

– Фух... – его передернуло.

Ягуар внутри нервничал, чувствовал, что опасность не миновала. Да, цветок в лесу, на большом расстоянии от города, но кто знает, на что он способен?

Дождь за окном стал тише. Настенные часы показывали 18:45.

Эльдар допил чай и подумал, какими словами будет рассказывать в отделении полиции о том, что произошло: Черномор взорвал каменное дерево, а потом появился громадный фиолетовый цветок и утащил неизвестно куда и Черномора и Кирилла и Эдика и, по всей видимости, и Воя. Бред! Хотя если полицейские не поверят, то могут поехать в заповедник и увидеть доказательство. Но вернутся ли они? А пока будут выяснять, не посадят ли его в «обезьянник»? Им только дай повод. У Эльдара случались конфликты с местными стражами порядка, и выручало лишь заступничество Черномора. А теперь, как пить дать, запрут в клетку. Нет, это недопустимо. Недопустимо, пока ягуар чувствует опасность.

Полиция подождет, решил Эльдар. Но Элле нужно все рассказать. Девчонка должна знать о гибели отца. Нелегкий шаг, но он должен его совершить, не то перестанет сам себя уважать.

«Расплата за то, что я бросил Воя», – подумал Эльдар и тяжело вздохнул.

Ягуар внутри не противился такому решению, значит, так тому и быть: он сегодня же все расскажет Элле. Эльдар вдруг поймал себя на мысли, что она единственный человек на све-

те, к которому испытывал теплые чувства. Ему нравился вызов в ее глазах, внутренняя борьба. А главное, она была полной противоположностью той девушки, что однажды убил ягуар...

Это случилось осенним вечером в пригородной электричке. Эльдар был единственным пассажиром в вагоне. Он сидел в полусонном состоянии и смотрел на мельтешение огней в темноте за окном. Когда до Москвы оставалось ехать не больше получаса, в вагон зашла девушка. Эльдар подумал, что она похожа на привидение. У нее было худое изможденное лицо с запавшими глазами, грязные белокурые волосы, а во взгляде ужасающая пустота. Девушка устроилась на сиденье в начале вагона, уставившись в пол перед собой. Ее трясло, лицо то и дело морщилось. Она вынула из кармана куртки смятую пачку сигарет и закурила, причем зажигалку смогла зажечь только с пятого раза.

Эльдар чувствовал, как начинает злиться ягуар, зверь чуял запах смерти, исходящий от девушки. Она относилась к тому типу людей, которые опустившись на дно, не пытались подняться, готовых на все ради минут сладостного забвения. Обычно ягуар относился к таким людям более спокойно, но в тот вечер зверь разозлился, пустота в глазах девушки привела его в бешенство.

Она сидела и курила, поднося сигарету к потрескавшимся губам. Дым кружил вокруг головы и казался частью спутанных белокурых волос.

Ягуар заставил Эльдара вынуть из внутреннего кармана кожаного пиджака складной нож, подняться и пойти к девушке. Она все так же смотрела в пол, мерцающий красным огоньком окурок выпал из пальцев и покатился под сиденье. Эльдар подошел и молча вонзил лезвие ей в сердце. Он потом вспоминал, как легко оно вошло в плоть, не зацепив ребра. Все произошло так обыденно. Девушка не издала ни звука, лишь посмотрела на Эльдара, а он увидел в ее глазах свое отражение, ягуара с белыми блестящими клыками. Она завалилась на сиденье, будто усталый путник решивший вздремнуть под мерный стук колес электрички.

Злость в звере стихала. Эльдар погладил девушку по голове, думая, что совершил правильный поступок, возможно, самый правильный в своей жизни. Она не должна была рождаться, и он исправил эту ошибку. Теперь ей не придется самой убивать себя день за днем. Она свободна. Ему вдруг очень захотелось узнать ее имя, но ягуар запретил лезть к ней в карман в поисках документов. Нужно было уходить.

Эльдар проследовал в другой вагон и на первой же станции вышел. Он никогда не жалел о содеянном. А когда познакомился с Эллой, увидел в ней полную противоположность той опустившейся девушки. В дочке Черномора была сила, которая заставила ягуара почувствовать уважение. После того, как Элла попала в аварию, в ее глазах тоже начала появляться пустота, но Эльдар видел, как девушка с ней боролась. И победила. Теперь ее ожидает новое страдание

и новая борьба. Что ж, такова жизнь. Но она должна знать о гибели отца. Если он ей не скажет, это будет сродни трусости.

«Нужно идти», – подумал Эльдар и, быстро допив чай, вышел в коридор.

Мысленно воздав хвалу человеку придумавшего удобную обувь, надел кроссовки, кожаный пиджак и уже собирался покинуть квартиру, но его остановил ягуар. Зверь сказал, что неплохо бы прихватить пистолет, ведь тревога не желала отступать.

Черномор, Кирилл и Эдик остановились на опушке. Их лица кривились, будто от невыносимой муки, тела сотрясала дрожь. Эдик упал на колени и захрипел, загребая скрюченными пальцами грязь. Рядом извивались жгуты – один поднялся над землей, заметался, а потом его разорвало, как дуло неисправного ружья. На месте разрыва, яростно пульсируя, начала набухать фиолетовая почка. Она вздувалась, росла, на ее поверхности прорезались тонкие красные линии похожие на сосуды. Бутон достиг размера баскетбольного мяча, а через несколько секунд уже стал не меньше колеса грузовика. Снизу бутона выползли и вошли в землю бледные корни.

Листья на растущих рядом кустах ежевики начали темнеть, сворачиваться, ветви поникли. По стволам деревьев потянулись трещины, кора крошилась, облетала, устилая землю трухой. Бутон тянулся все выше и выше, как пиявка,

вытягивая жизненные силы из всего вокруг. Деревья трещали, лишаясь соков, листва опадала серыми стружьями. Бутон стал огромным, а затем лепестки с гулом раскрылись, будто челюсти чудовища. Из сердцевины выскочили жгуты и быстро поползли вдоль опушки.

Черномор, Кирилл и Эдик перестали трястись. Получив от цветка энергию, они продрались сквозь молодую поросль, и вышли на трассу, где в нескольких сотнях метрах в сторону города виднелся пост ГИБДД, с припаркованным рядом автомобилем.

Молодой сержант Ахманов затушил в пепельнице сигарету, не отрывая взгляда от страниц книги «Участь Салема» Стивена Кинга. Сейчас он читал до того захватывающую главу, что не замечал ворчания лейтенанта Куценко, который, сидя за столом, менял батарейки в рации.

– Охренеть! – прошептал Ахманов, быстро перевернув страницу.

Куценко недовольно покосился на сослуживца, вздохнул и пробормотал:

– Хорошо хоть дождь прошел. Ненавижу слякоть. По мне, так лучше бы всегда была жара, как в пустыне. А в Лондоне, говорят, постоянно дожди идут. Я бы не смог там жить. Неа, такой климат не для меня, – он отложил рацию и постучал пальцами по столу, задумчиво глядя на ползающую по стене муху. – А ты, Ахманов, хотел бы жить в Лондоне? – сер-

жант не ответил, целиком погрузившись в чтение. Куценко покачал головой: – Вот дал мне Бог напарничка... Скучно с тобой. Вообще, день сегодня скучный, – будто в подтверждение своих слов, он широко зевнул, показав ровные зубы цвета слабого кофе.

Дверь в помещение с грохотом распахнулась, в проем вошел человек, у которого из всей одежды были только грязные штаны. А его лицо...

Куценко почувствовал, как на затылке зашевелились волосы. Ахманов выронил книгу и захлопал глазами. Ему казалось, что чудовище из романа Стивена Кинга, каким-то образом, стало реальным. В пустых глазницах вошедшего человека ворочались черные черви.

– Привет, ребята, – прохрипел Черномор. – Как служба? Не скучаете?

Вошли Эдик и Кирилл.

Ахманов открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли в глотке. Черномор в мгновение оказался возле сержанта, схватил за горло. Ахманов дернулся, пытаясь вырваться, локоть задел пепельницу и та упала на пол, окурки разлетелись в разные стороны.

Куценко метнулся к автомату, который лежал на тумбочке у противоположной стены, но не успел сделать и шага – из обрубка руки Кирилла вырвались черные нити. Они обвились вокруг головы лейтенанта, как тонкие арканы. Куценко закружился на месте, закричал, но тут же подавился нитями,

которые лезли в глотку. Он упал на пол, пытаясь отодрать от лица эту гадость и чувствуя, как по пищеводу будто течет расплавленный металл, заполняя легкие и желудок.

Тем временем нити выскочили из глазниц Черномора и блестящими иглами вонзились в лицо Ахманова. Они ползли под кожей, вспарывая плоть. Сержант заорал, схватился руками за нити, но те опутали пальцы и стянули так, что хрустнули фаланги. Черномор приоткрыл рот и зашипел, будто змея, из носа потекла серая слизь.

Эдик стоял возле выхода и смотрел черными, как деготь, глазами на мучение полицейских. Его дыхание было тяжелым, крылья носа вздувались. Внезапно он разразился диким хохотом, похожим на карканье ворона.

Нити, одна за другой, втянулись в культю Кирилла. Куценко лежал на полу и дергался в припадке, изо рта текла пена, глаза темнели, словно заполняясь болотной мутью.

Ахманов стоял, обессилено опустив руки, рот был открыт в безмолвном крике, под кожей словно ползали черви, из ран на лице текли струйки крови. Черномор толкнул сержанта в грудь и тот безвольной куклой упал в кресло и задрожал.

– Замечательно, – проговорил Черномор. Он развернулся и пошел к выходу.

Они сели в полицейский автомобиль – ключи оказались в замке зажигания – и поехали к Тихой пади. За рулем сидел Черномор. Минут через десять, в пригороде, он остановил машину, молча дождался пока выйдет Эдик, и поехал даль-

ше. Эдик быстрым шагом направился к собачьему питомнику, который находился возле гаражей, в сотне метрах от дороги. С другой стороны шоссе, на опушке, вверх тянулись фиолетовые лепестки очередного бутона, убивая все живое вокруг. По небу ползли тучи, над землей клубилась туманная дымка, а издалека доносился тихий рокот уходящей грозы.

Вой вышел из заповедника километрах в десяти севернее Тихой пади. Долго по шоссе идти не пришлось, подобрал рейсовый автобус. Зайдя в салон, Вой заметил, как на него посмотрели немногочисленные пассажиры... Хотя, что тут странного, подумал он. Футболка порвана, джинсы грязные, лицо и руки в ссадинах.

– Случилось что? – участливо спросил водитель – щуплый мужичок в сером пиджаке и клетчатой кепке, из-под которой выбивались прямые седые волосы.

– В яму свалился, – хмуро ответил Вой и добавил: – Спасибо, что остановился.

– Пустяки, – водитель усмехнулся и закрыл двери. Автобус тронулся.

Вой устало опустил на сиденье. В салоне находилось всего три пассажира: рыжеволосая женщина с сыном лет семи, и старушка, у которой на коленях лежала небольшая корзинка, прикрытая белой тряпицей. Вой посмотрел в окно на лес. Никогда он не казался ему столь недружелюбным. От воспоминаний о черных щупальцах по спине пробежал

холодок.

– Тебя будто волки трепали, – добродушно заметила старушка.

Вой повернулся к ней и подумал, что нападение волков – мелочь, в сравнении с тем, что довелось пережить.

– Просто денек был трудный, – он постарался выдавить улыбку.

Старушка откинула тряпицу с корзинки, вынула бутыль с жидкостью винного цвета и протянула Вой.

– Попей, сынок. Это морсик клюквенный.

– Спасибо, бабуль, – Вой с благодарностью принял угощение, вынул пробку из бутылки и сделал несколько больших глотков. Морс оказался кислым, прохладным, как раз то, что нужно. Будь воля, он выпил бы его весь, но постеснялся. Закрыв, Вой вернул бутыль старушке. – Очень вкусный.

– Это дочка мне клюковку из Архангельска присылает, – с улыбкой поведала старушка. Она сунула бутыль в корзинку и прикрыла тряпицей. – Раньше и в наших краях клюква водилась, на торфяниках, а потом исчезла...

Автобус проехал указатель «Тихая падь».

«Скоро буду дома, – подумал Вой. – Морок, небось, извелся».

Пес привык, что его выгуливают в одно и то же время, а «одно и то же время» закончилось два часа назад. В голову лезли мысли о фиолетовом нечто, Черноморе с Эльдаром, и о том, что делать дальше, но Вой пока гнал эти мыс-

ли прочь. Мозгам требовался отдых, не то можно умом тронуться. Он коснулся пальцами ссадин на лице и поморщился.

Водитель автобуса Литвинов Сергей Павлович смотрел на исчезающее под колесами омытое дождем шоссе и думал, что неплохо бы сегодня после работы сходить в гараж, забрать из погреба баночку маринованных огурцов и пару бутылочек вишневой наливки. А потом, конечно же, к соседке! Если она окажется в настроении, может и на ночь оставит. Хорошая баба, размышлял Литвинов. Жаль только нерешительная. Сколько раз предлагал ей жить вместе, так нет, все отговорки находит. А ведь не молоды уже, оба вдовцы, одиноки...

Литвинов увидел как справа, среди деревьев мелькнуло что-то яркое, фиолетовое. Промелькнуло и исчезло. Ну и Бог с ним. Может, показалось. Далее дорога делала поворот. Он медленно вывернул руль и...

Перед его глазами словно вспыхнула молния – черный блестящий жгут врезался в лобовое стекло, которое взорвалось тысячью осколков. Литвинов зажмурился, чувствуя, как обожгло болью лицо. Нажал на тормоз. Тело бросило вперед, грудь ударилась о руль.

Старушка и рыжеволосая женщина закричали. Вой, который до этого сидел с закрытыми глазами, швырнуло в спинку переднего сиденья. Потом его занесло в сторону, и он упал

на пол.

Автобус врезался в опрокинутую, лежащую поперек дороги «Газель» и, издавая жуткий скрежет, протасил ее несколько метров.

– Мама-а-а! – орал мальчишка.

Его мать визжала, ударившись и разбив в кровь лицо о затылок сына. Старушка хрипела, вытаращив расширившиеся от ужаса глаза – она лежала возле сиденья с неестественно вывернутой рукой.

Литвинов застонал и поднял голову от руля. Тут же почувствовал, как в шею вцепилось что-то холодное, жгучее, липкое...

Вой поднялся на ноги – в голове будто бил колокол – и увидел водителя, вокруг шеи которого обвилось черное щупальце. Секунда – и водителя выдрало из сиденья в лобовое окно, ударило в покореженный корпус «Газели» и швырнуло в сторону.

– Только не это! – выдавил Вой.

Стекло на заднем окне с хлопком разлетелось и в салон, корчась, как брошенный на сушу угорь, ворвался жгут. Женщина и ее сын продолжали кричать.

– Уходим! – заорал Вой, мельком заметив в окне возле деревьев огромные фиолетовые лепестки.

Жгут захлестнул сиденье в конце салона и выдрал из пола, затем бросил его и хлестко ударил по потолку, оставив вмятину в металле. Снаружи раздался рев. Со скрежетом пере-

вернулась «Газель».

Вой схватил мальчишку, пробежал вперед, услышав, как завывала от боли старушка. Слева в окне мелькнул хлыст. Вой взревев, ударил ногой в полураскрытые после аварии двери – один створ с грохотом слетел с шарниров, освободив проход.

«Только бы успеть!» – сквозь нарастающую панику проскочило в сознании.

Вой вытолкнул мальчика наружу, повернулся и столкнулся с рыжеволосой – тяжело дыша, она отстранила его, проскользнула в проем, схватила сына и побежала.

В салон ворвался еще один жгут – как копьё он пробил в дыру в стекле и закружился среди сидений. Старушка пыталась подняться, не прекращая выть от боли. В тот миг, когда к ней устремился Вой, черный хлыст обвился вокруг ее плеч и потащил. Она закричала, а потом старушка врезалась в стекло, разбив его. Вой слышал, как хрустнули ее кости и застонал от отчаяния.

Нужно было убираться. Он выскочил из автобуса и побежал, заметив, что не только «Газель» потерпела аварию. На шоссе и обочине находились помятая «Волга», красные «Жигули», лежащие на боку, и мотоцикл с коляской. Позади раздался скрежет металла. Вой увидел, как рыжеволосая, держа сына, мчится по шоссе, а потом заметил слева движение – из-за дорожной насыпи, на фоне гнилых деревьев, взметнулись фиолетовые лепестки. «Еще один!» – подумал он, и закричал:

– Беги направо! Направо! – Вой бросился в противоположную от бутона сторону, перепрыгнул насыпь и побежал вдоль дороги.

То ли женщина услышала его слова, то ли сама заметила опасность, но она побежала вправо, поднялась на насыпь, споткнулась и покатилась с пригорка. Вой подхватил перепуганного мальчика. Тяжело дыша, выкрикнул:

– Я его понесу, а вы не отставайте!

Рыжеволосая быстро закивала.

И тут над насыпью, как вставшие в стойку кобры, взметнулись жгуты. Женщина вскрикнула.

– Бежим! – Вой, прижимая к себе мальчика, помчался в лес, через заросли высокой мокрой крапивы. Продрался через мелкую поросль, слыша, как женщина бежит следом.

«Да что же это творится?! – подумал он. – Сколько же расплодилось этих адских цветов?»

Они пробежали метров двести, и Вой решился оглянуться. Женщина едва его не сшибла.

Преследования не было.

– Кажется, спаслись, – прохрипел Вой и опустил мальчика на землю. Тот, всхлипывая, бросился к матери, у которой все же нашлись еще силы обнять сына. Она с шумом дышала, кровь на лице смешалась с грязью, руки тряслись.

– Спа... спасибо, вам, – выдавила она.

Вой хотел что-то ответить, но передумал и лишь пожал плечами. А потом поморщился, вспомнив, как щупальца вы-

дернули несчастных старушку и водителя из автобуса.

«Кошмар, который начал Черномор, продолжается».

– Что это было? – с дрожью в голосе спросила женщина. Она стояла на коленях, и мальчик тихо плакал, уткнувшись лицом ей в плечо.

– Я не знаю, – ответил Вой. – Но сегодня мне уже пришлось спастись от этих хреновин.

– Так вот почему вы... – она не договорила.

Вой кивнул.

Со стороны шоссе донесся грохот и железный скрежет.

– Нам нужно идти, – проговорил он. – Тихая падь совсем рядом. Я понесу мальчика.

Женщина пригладила волосы сына.

– Его зовут Дениска. Меня – Рита.

– А меня – Семен, – Вой подумал, что женщина держится хорошо, учитывая обстоятельства. Но стресс, конечно же, придет, когда снизится адреналин в крови.

Она с трудом и неохотой оторвала руки сына от своей шеи и тихо сказала:

– Тебя дядя Семен понесет, хорошо?

Денис захлопал мокрыми глазами и кивнул. Его выпяченная нижняя губа дрожала. Вой взял мальчика на руки, подождал, пока поднялась Рита, и они двинулись через лес к городу.

Через некоторое время Вою отчаянно захотелось рассказать, что сегодня случилось в заповеднике. Поделиться хо-

тя бы с посторонним человеком страшным знанием.

– Все эти фиолетовые бутоны и щупальца появились после того, как один идиот со своей компанией взорвал каменное дерево, – он произнес эти слова с нескрываемой злостью.

– Каменное дерево? – Рита на секунду остановилась и пошла дальше. – Я всегда верила, что каменное дерево – оберег. Но кому вообще пришло в голову...

– Черномору! – сказал Вой, будто выплюнул сгусток желчи. – Знаете такого?

– Кто ж в Тихой пади не знает Черномора? – Рита выглядела озадаченной. – Вроде бы хороший человек. Это ведь на его деньги построили церковь, и содержится собачий питомник. Я всегда была о нем хорошего мнения.

Вой невесело усмехнулся.

– О, да, он был еще тот артист!

– Был?

– Черномор сдох, я сам это видел, – ровным голосом ответил Вой.

Некоторое время шли молча, а потом Рита спросила, ни к кому конкретно, в общем-то, не обращаясь:

– Что теперь будет?

Вой тяжело вздохнул.

– Я не знаю.

Скоро они вышли к гаражам, а через пять минут уже следовали по Улице Мира. Ураган оставил в городе свой разрушительный след: вдоль дороги лежал поваленный тополь, чу-

дом не задевший припаркованный рядом автомобиль. Возле парикмахерской в луже валялся синий рекламный щит. Везде были разбросаны обломанные ветви.

– Спасибо вам за все, Семен, – сказала Рита, когда они дошли до больницы. – Вам тоже не мешало бы в больницу...

– Позже, – с трудом улыбнулся Вой. – У меня собака целый день одна дома. А вы в «скорой» все расскажите. Вряд ли вам поверят, но полицию вызовут. А потом...

– Что потом? – с пылом спросила Рита.

Вой нахмурился.

– Я не знаю, но на вашем месте, я не выходил бы в ближайшее время из дома, – он потрепал мальчика по голове: – Пока, Дениска, ты храбрый пацан.

Мальчик хлюпнул носом и прижался к ногам матери.

«Надеюсь, с ними все будет хорошо», – мысленно пожелал Вой, а потом повернулся и зашагал в сторону своего дома.

Глава 9

Эдик вышел из бытовки сторожа и направился к собачьим вольерам. Он улыбался, но улыбка была странная, словно нарисованная темно-синей краской на серой стянувшейся коже лица. Он слышал, как позади в бытовке хрипит бьющийся в конвульсиях пожилой сторож. Но через несколько секунд хрипы заглушил яростный лай собак. Эдик остановился, с хрустом в шейных позвонках покрутил головой, на его спине между ребер в сгустках темной слизи извивались блестящие нити.

Собаки, словно обезумев, носились по вольерам, надсадно лая, некоторые скулили, забившись в угол и дрожа всем телом.

Эдик открыл рот, из горла вырвалось утробное урчание, по нижней губе и подбородку потекла пузырящаяся жижа. Он прошел еще немного, зайдя в лужу, в которой отражались плывущие по небу тучи, и резко согнулся, будто получив удар в живот. Нити в спине издали чавкающий звук, извиваясь в слизистой массе, а потом начали вытягиваться. Эдик отрыгнул в лужу сгусток темной желчи. В глубине его черных глаз горели бледные огоньки. В следующее мгновение он задрожал, захрипел. Нити, как стрелы, метнулись в разные стороны. Пролетев сквозь сетки вольеров, они вонзались в тела собак, проникали под кожу. Собаки визжали, ка-

тались по земле и старались зубами вырвать нити.

Молодая крупная дворняга из крайнего вольера металась, обезумев от ужаса. Она бросалась на сетку, отпрыгивала, снова бросалась. Черная нить настигла ее в прыжке – обвилась вокруг шеи, швырнула на землю и вонзилась в ухо. Дворняга засучила лапами, из пасти потекла пена, глаза затянулись темной пеленой.

Бультерьер, у которого не было одной лапы, вцепился челюстями в нить и, яростно рыча, замотал головой. Пасть и язык жгло, но он не ослаблял хватки. Сквозь сетку влетела еще одна нить. Бультерьер бросился в сторону, сбив миску с водой. А потом его швырнуло вверх, спину пронзила боль, брюхо стянуло. Он упал и, вспарывая когтями землю и вытаращив глаза, пополз. Из оскаленной пасти текла густая слюна. Через секунду пес коротко, по-щенячьи, взвизгнул, затрясся. Челюсти разжались, вывалился распухший окровавленный язык.

В соседнем вольере резко прервался отчаянный визг болонки, когда нить вонзилась ей в глаз. Собаки в дальних клетках надрывались от лая. Эдик, согнувшись, стоял в луже и медленно крутил головой, на напряженной шее пульсировали жилы. Он зашипел, раскрыв до предела рот, и в жигу на спине, как по команде, втянулись нити.

Эдик разогнулся, сплюнул густую слюну и направился к следующим вольерам. А из бытовки, шатаясь, вышел старик сторож. Одежда была в крови, щека разодрана. Как пья-

ный он проковылял несколько шагов, рухнул на колени и, задрав лицо вверх, издал звук похожий на рев и вой одновременно. Из блестящих черных глаз вдоль переносицы текла серая слизь. Кисти рук бешено тряслись, будто существуя отдельно от тела.

Тем временем Эдик снова согнулся, и нити метнулись к новым жертвам.

Повизгивающая от страха такса быстро рыла передними лапами землю, в попытке сделать подкоп, но нить обвилась вокруг ее длинного тела, вырвала из уже довольно глубокой ямы, и вонзилась в живот. Такса трепыхалась, дергая лапами, а потом ослабла, обмякла, жалобно скуля.

Старая слепая овчарка с белесыми глазами носилась по вольеру, чувствуя опасность, но, не понимая, откуда ее ждать. Нить вонзилась в бок, зазмеилась под шкурой среди ребер. С яростью овчарка вцепилась в нить, взметнула голову и выдрала из тела источник боли. Отскочила в конец вольера, рыча и скаля пасть. Она слышала, как визжат собаки вокруг, как скулят щенки в соседней клетке. А потом... сердце не выдержало. Она умерла мгновенно. Нить, которая неслась к ее голове, отпрянула, будто почувствовав, что от мертвой собаки больше нет толка.

Сторож поднялся, покрутил головой, осматриваясь, и пошел открывать вольеры. Эдик продвигался по питомнику, методично заражая собак. Иногда он морщился, словно испытывая боль, и шипел, как змея. Вокруг, рассекая воздух,

свистели черные нити, в спине пузырилась слизь. Возле последних вольеров он тяжело задышал, жадно хватая ртом воздух. Ноги подкосились, и Эдик рухнул на бок. Пальцы судорожно сжимались и разжимались, загребая грязь. Нити безвольно опустились на землю и начали выцветать, превращаясь в бледные, сонно шевелящиеся волокна. Внезапно Эдик поднял голову и издал вопль, полный мучительной боли, огоньки в глазах погасли, как свет уходящей в ночь электрички. Тело дернулось несколько раз и обмякло.

Старик прошел мимо мертвого Эдика, широко улыбнулся и заразил последних собак в питомнике. А из первых вольеров уже выходили трясущиеся псы с черными, как частички ночи, глазами.

Черномор высадил Кирилла возле полицейского участка и поехал дальше. Его лицо походило на каменную маску с черными дырами глазниц. Он вел автомобиль не спеша, вцепившись напряженными бледными пальцами в руль. На лобовом стекле мелькали тени от ветвей тополей, растущих вдоль проспекта. Мимо промчалась «скорая» и уголки губ Черномора подскочили вверх.

– Прекрасно, – прохрипел он, и свернул на улицу «Школьная».

Проехал глубокую лужу – справа несколько человек живо обсуждали происшествие: упавшее на автобусную остановку дерево.

Через десять минут он выехал на узкую дорогу в пригороде, вдоль которой стояли фонари, будто позаимствованные у улиц Лондона середины девятнадцатого века. Это была идея Черномора установить на ведущей к особняку дороге фонари такого декора, чем он и гордился, считая себя человеком, не лишенным художественного вкуса. Но сейчас чудовищу за рулем полицейского автомобиля было плевать и на фонари, и на художественный вкус. Черномору казалось все его прошлое существование бессмысленным. Теперь же, он по-настоящему жил. Жил ради великой цели: очистить территорию для Красоты. Той Красоты, к которой он прикоснулся, и которая стала частью его самого. Ей тесно, всегда тесно, ей нужно пространство. Внутри чудовища все ликовало, несмотря на боль, пульсирующую в каждой клетке тела. «Боль – ничто», – думал он. Всего лишь мерзкое человеческое чувство. Скоро оно исчезнет, Красота позаботится об этом. Несомненно. Он подарит ей свое Королевство, со всеми подданными, а потом... целый мир.

Черномор подумал, как будет счастлива Элла, когда тоже прикоснется к Красоте. О, да, он, как любящий отец сделает ее причастной к вселенскому чуду. Это ведь и есть истинное проявление добра, верно? Она станет свободной, свободной, свободной...

Голову пронзила жуткая боль. Черномор захрипел, нажав на тормоз, и начал трястись. Машина вильнула и остановилась, едва не врезавшись в фонарный столб.

«Свободной... – проносилось в сознании. – Свободной... Я дам ей территорию... Красота позаботится обо мне... позаботится!..»

Боль отхлынула, дрожь прошла.

Некоторое время Черномор сидел без движения, а потом вывел автомобиль на середину дороги и поехал дальше. Показались ворота особняка. Рядом с охранной будкой, выполненной в виде небольшого бревенчатого домика, стоял и курил молодой охранник. Увидев полицейскую машину, он нахмурился, сделал глубокую затяжку и щелчком отправил сигарету в придорожные кусты.

Глава 10

Элла сидела возле окна, задумчиво смотрела на деревья за оградой. Позади, в центре комнаты валялись кусочки черного и белого картона – все, что осталось от репродукции картины Малевича. Элла старательно и безжалостно порезала ее ножницами, а тонкую металлическую рамку согнула и засунула в ящик тумбочки.

«Мосты сожжены».

Странная, но прекрасная частичка жизни стала прошлым. А что теперь? Элла задавала себе этот вопрос без отчаяния, но с тихой грустью. Она чувствовала какую-то старческую усталость, с долей смирения перед неприглядным будущим.

Она увидела, как к воротам подъехал полицейский автомобиль. Из него вышел... Отец?! Нет-нет, что-то не так! Не так! Сердце будто сжали ледяные плиты. В сознании промелькнули образы темных силуэтов, выходящих из леса Страны чудес. Она наклонилась вперед, прильнув к окну, и ощущая, как свело от страха живот.

– Привет, дружок, – проговорил Черномор, надвигаясь на охранника.

Тот пятился, вытаращив глаза, и мямля что-то нечленораздельное. Дойдя до бордюра дороги, он споткнулся, упал и пополз, отчаянно упираясь ногами в землю, и не отрывая

взгляда от дыр на лице чудовища. А потом охранник закрычал.

– Спокойно, парень. Спокойно. Это же я, неужели не узнал? – с наигранной обидой произнес Черномор. – Хозяина не узнаешь? Ай-я-яй! – он покачал головой. – Нехорошо это. Очень нехорошо, – внезапно его мозг пронзила боль, по лицу прошла судорога.

Охранник уперся спиной и затылком в стену будки и попытался подняться. Он больше не кричал, но дышал так, будто ему не хватало воздуха. Рука метнулась к кобуре под пиджаком...

Боль прошла столь же резко, как и началась. Черномор усмехнулся, верхняя губа нервно дернулась. Из рта и глазниц черными струями вырвались нити, вмиг опутав голову охранника лоснящимся коконом.

Выстрел.

Пуля пробила Черномору легкое, но тот лишь дернулся, продолжая заражать жертву.

Еще выстрел. И еще...

Пули прошли мимо. Черномор выбросил вперед руку, схватил и с хрустом вывернул запястье охранника. Пистолет, описав в воздухе дугу, упал в цветочную клумбу.

Элла, дрожа всем телом, смотрела, как чудовище похожее на отца отошло от охранника, поднялось по маленькой лестнице в будку, и через несколько секунд створ ворот по-

ехал на шарнирах, открываясь. Она сжала подлокотники инвалидной коляски до боли в суставах.

Чудовище вышло из будки и последовало по грунтовой дорожке в сторону дома. Элла видела дыры вместо глаз и ухмылку на лице псевдо отца.

– Боже! – прошептала она.

У нее возникло чувство, что все происходящее не реально. То, что казалось удивительным, но все же приемлемым для Страны чудес, здесь, в нормальном мире, выглядело чуждо, неправильно. Морбест – чудовище, принявшее вид отца, явилось продолжить ее страдания. Она ощутила себя персонажем ночного кошмара.

Элла тряхнула головой, внезапно осознав, что чудовище идет в дом. А потом...

«Что стало с отцом?!» – вопрос врезался в разум, как таран в ворота осажденной крепости. Отец уехал днем вместе с Эльдаром. Боже, подумала она. Что произошло? Что?!

Элла быстро отъехала от окна и услышала, как внизу открылась дверь.

«Оно уже здесь!»

Девушка теперь знала, что чувствуют звери, загнанные в ловушку. «Проклятые ноги!» Она застонала от отчаяния. Что же желать? В доме еще находится Мария. Возможно, она сейчас в своей комнате. Нужно торопиться.

Элла подъехала и схватила со стола крошечную рацию – такая же была у Марии. Нажала на кнопку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.